

ZOTOB®



СКАЗОЧНИК

Смерть тоже недовольна своей жизнью

Георгий Зотов

Сказочник

«Автор»

2013

Зотов Г. А.

Сказочник / Г. А. Зотов — «Автор», 2013

ISBN 978-5-17-077703-7

«Сказочник» – умная и тонкая история, которая для каждого читается по-своему. Сентиментальным людям она покажется неожиданно трогательной, более рациональным читателям – жесткой и остроумной. Финал, как всегда у Зотова, будет совершенно непредсказуемым и убьет вас наповал» (из отзывов на Fantlab.ru).

ISBN 978-5-17-077703-7

© Зотов Г. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Сказка первая	15
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Обратный кадр № 1	28
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

ЗОТОВ

Сказочник

Часть первая

Город теней

*Люди боятся смерти по той же причине,
Почему и дети боятся темноты.
Они просто не знают – а что ТАМ такое?*

Фрэнсис Бэйкон,
английский философ

Пролог

...Я поклялся своим отпуском, что это будет последний разговор. Да-да, мне известна ваша точка зрения: я сам не образец шутника-затейника... взять хотя бы мой классический имидж. Но, поверьте на слово, – Никао обладает чудесной способностью надоедать хуже горькой редьки. У него на диво нудный характер. Бьюсь об заклад, имей мой собеседник несчастье родиться человеком, – беднягу ещё в начальной школе закатали бы в бетон. Всегда помятое, как с похмелья, лицо. Пористая кожа, веки воспалены, вечный насморк. Из кармана пиджака бугром торчит пропитанный слизью, заскорузлый носовой платок. Симпатия, верно? А если вы добавите в комплект запах гнилых зубов, получите полное представление, какое для меня счастье общаться с подобным существом.

– Ты же понимаешь... – гнусавит Никао. – Наше начальство наверняка недоволено...

Да, я предвкушал эту фразу. Обстоятельства меняются, слова – никогда.

– Очаровательно, – отвечаю я, глядя в багровую муть его глаз. – Я полагаю, сейчас мои ноги должны сами собой подкоситься, а я – инстинктивно задрожать от страха. Увы... так сложилось, что мне абсолютно нечего терять. Со дня своего рождения я работаю на Небоскрёб, столетиями не вылезая из служебных командировок. Вне зависимости от общей позиции, имей совесть признать – никто на этой сучьей планете не пашет, как я... причём без копейки зарплаты. Значит, вы в одночасье догадались – высшее руководство разочаровано во мне? Спасибо, это реально сенсация тысячелетия. Неужели у Мастера нашёлся повод, чтобы уволить меня – и взять на столь завидную должность куда более достойного сотрудника? О, я жду этого с нетерпением.

Создание с минимальным (да чего уж там – микроскопическим) чувством юмора наверняка оценило бы издёвку. Но Никао не способен даже слегка улыбнуться.

– Э-э-э... тебя вообще-то нельзя уволить... – с видом эксперта произносит полутруп.

Вот надо же, а я и не знал. Америку ты прям мне открыл, голубчик мой ароматный. Правильно, нельзя. Где ж твой хозяин отыщет второго такого дурака – чтобы денно и ночью разгребал эти авгиевы конюшни? Да и можно ли назвать мои деяния работой? Настоящее рабство, разве что привилегированное. По сути, я – закованный в цепи невольник, как гладиатор Спартак или баснописец Эзоп. Правда, последний персонаж – выдумка. Если со Спартаком я общался лично, у реки Ситани, то Эзоп – продукт древнегреческой пропаганды¹: правда-

¹ Многие филологи, включая Ричарда Бенгли и Отто Кризиуса, считали, что баснописец Эзоп не существовал – это был коллективный псевдоним. – *Здесь и далее примеч. автора.*

правда, легко докажу. Я никогда не отдыхаю, вкальваю круглые сутки при свете и во тьме, вот уже миллион лет. Без выходных, больничных и отпусков. Да, всё моё существование – ТОЛЬКО РАБОТА.

– Рад, что до тебя дошла сия прописная истина, – усмехаюсь я. – Тогда, с большей долей вероятности, ты способен впитать и остальное. Так вот, Никао, – мнение Мастера, как, впрочем, и твоё, меня не волнует. Если ему хоть что-то не нравится, пусть позвонит сам. Покуда же претензий нет, я поступаю согласно своим принципам. И ещё – если Полемос снова видела вещие сны, вежливо передай: они давно не сбывались. Мы закончили? Тогда закрой рот и возвращайся в Африку. Это ты на курорте, а у меня дел по горло.

Я говорю чистую правду, и Никао это знает. Ну, с чем ему тут возиться? Вирус гриппа каждую осень, да и то – в лучшем случае. Мелкая ерунда в виде ОРЗ и ОРВИ, попросту недостойная малейшего внимания. Основной труд тяжким бременем лёг на мои призрачные плечи – я нечто вроде грузчика, курьера и мусорщика в одном лице. Да, я не отрицаю, было время, когда и Никао пришлось изрядно попотеть – или как лучше сказать для него... загноиться? Даже не беря в расчёт чуму в средневековой Европе и регулярные эпидемии оспы: вспомним хотя бы недавнюю *испанку*, и на весы упадут пятьдесят миллионов трупов. Тогда бедному Никао месяцами не было покоя – забежит в офис, съест на ходу фарш из кайенского перца, запьёт стаканом чистого спирта – и опять вкальвать... Да мне ли рассказывать, мы раньше частенько работали в паре. Но с изобретением пенициллина, других антибиотиков и всяческих вакцин для Никао настали сказочные времена. Сиди да релаксируй целыми годами. Вы скажете мне – а как же вирус эбола? Фигня эта эбола, дорогие мои, в сравнении с чумой.

Сволочь. КАК ЖЕ Я ЕМУ ЗАВИДУЮ.

Под ногами хрустит снег. Сегодня, говорят, минус сорок – по местным меркам, лютый мороз. Я чувствую покалывания игл холода – но лишь слегка: так, наверное, люди ощущают летом приятную прохладу, если ветер дует с реки. Оборачиваюсь – окна Небоскрёба светятся, все до одного... Я не вижу, но знаю – *косари* снуют туда-сюда с папками бумаг, телефоны на столах дрожат от звонков, накрашенные секретарши с завитыми кудряшками ежесекундно снимают трубки. Чёрное высотное здание со шпилем, копия «Эмпайр стейт билдинг» в Нью-Йорке. Залитый светом Небоскрёб дико смотрится посреди мёртвого, утонувшего во тьме города, – сегодня авария на станции, отключили электричество. Разве я не гений предвидения? Ещё в двадцатые годы подписал распоряжение о масштабном строительстве офисов *косарей* в городах Европы, поскольку... Тьфу ты, вот это я точно вспоминать не хочу. Нет-нет, даже и не упрашивайте. Меня и так ВСЕ вокруг задолбали: твой косяк, твоя ошибка, сам виноват.

А мне и возразить нечего. Увы, они полностью правы.

...Никао прочищает горло натужным кашлем, в стороны летят брызги. Тряся скрюченными пальцами, достаёт платок (тот самый, из кармана) и трубно сморкается. Он в очередной раз усвоил – спорить со мной бесполезно, и мечтает доложить о нашей беседе тощему брату, а также рыженькой сестрице. Вяло махнув на прощание рукой в пузырях от чесотки, Никао вперевалочку бредёт к своему автомобилю. До его квартиры и старая улитка доберётся за пять минут неспешным ползком, но наш красавчик не таков. Брата поджидает белый «мустанг», затаившийся в окружении сугробов. С мощным двигателем, кожаным салоном и личным водителем. Каждому из нас по службе от Мастера положена машина. У меня тоже есть, и такого цвета, что... Вот скажите, пожалуйста, – разве это не рабство, если мне не позволено выбрать даже столь убогую мелочь, как раскраска собственного автомобиля? Бред. Знать бы раньше, что сны сестры – просто яркая пустышка... Но теперь поздно менять стиль.

Хлопнула дверца. Глухо рычит мотор.

«Мустанг» срывается с места – белый призрак проносится среди прохожих. Несмотря на тьму, они веселы, в руках – сумки с покупками, орут что-то в мобильные телефоны. Невский проспект забит иномарками: в пятницу вечером, как всегда, пробки. Рекламные щиты предла-

гают почистить зубы, посмотреть блокбастер и взять кредит. Я безразлично скольжу взглядом по надписи на стене дома – крупные белые буквы на синем фоне:

**«Граждане! При АРТОБСТРЕЛЕ эта
сторона улицы наиболее ОПАСНА»**

О, а я ведь помню улицу совсем другой. Аккурат в это время всегда начиналась бомбардировка со стороны Петергофа. Не поверите, явственно вижу картину – словно на потрескавшейся от старости чёрно-белой ленте немного кино. Спрятав лица от жгучего мороза за шальями и шарфами, ленинградцы еле переставляют ноги, переваливаясь с боку на бок, – волокут санки, где гроздьями смёрзлись охапки хвороста. Они идут сквозь метель вслепую, следуя невидимому компасу. Я разглядываю очерченные чёрным контуром провалы ртов, запавшие щёки, мне легко угадать их мысли – они хотят ЕСТЬ. На углу, неловко привалившись к лестнице, сидит женщина с открытыми глазами, полными льда. Умерла дня три назад, тело по грудь занесло снегом, но горожане так ослаблены, что некому убирать трупы. Плёнка памяти, прошуршав, заканчивается. Блокада в прошлом. Теперь на проспекте – толпы, скупающие под Новый год подарки в дорогих бутиках, румяные от мороза девушки, смех и царство шопинга в вихре снежинок. Они не знают о нас – тогда и сейчас. Не замечают блестящий над городом шпиль небоскрёба, не чувствуют, как, разрывая тела на миллиарды молекул, сквозь них стрелой летит ослепительно-белый «мустанг» брата Никао. У нас свои магистрали, рабочие офисы, средства передвижения – и даже (не верится, правда?) свои кальянные. Мы – тень северной столицы, извращённое отражение Питера в кривом зеркале... И вот мы-то их видим. Четверо из нас при желании запросто могут стать ими.

Я, например, спокойно превращаюсь в человека. Когда захочу.

...Смотрю на часы. Мне надо съездить за парочкой *косарей* – ночи стоят студёные, работы выше крыши. С персоналом никогда нет проблем: выбор сказочно богат. Звонить в гараж, вызывать автомобиль? Не думаю. Поездка неофициальная, а мой шофёр лишь обрадуется возможности поскучать без дела. Ещё бы – он ведь бледнеет и заикается при виде пассажира, пусть такое поведение и абсурдно: вот что ему сейчас-то грозит? Да, меня никто не любит. За весь свой рабочий стаж я привык: моё появление однозначно встречается не криками восторга – скорее, наоборот. В редких случаях я желанен, как манна небесная, но это, я бы сказал, исключение из правил. Какой облик мне сейчас принять? А, увольте, я даже не знаю.

Осталась всего минута. Поеду, в чём есть.

Я прибываю вовремя – воздух полнится воем полицейских сирен. Пустырь, рядышком со станцией метро «Парнас», северная окраина Петербурга. Вот и то, что мне нужно. Под ветвями тополя сплелись в последних объятиях двое. Я склоняюсь над ними – оба человека ещё дышат. Снег вокруг тел будто смешался с раздавленной клюквой – всюду брызги и яркие пятна. Я ещё утром знал, чем тут всё закончится: стандартная для Питера разборка, «наци» и «чехи» сошлись стенка на стенку в спальном районе, вдали от глаз ментов. Двоим не повезло. А ведь каждый наверняка думал на рассвете – вечером он вернётся домой, выпьет пивка, посмотрит телек. Я вас прошу, никогда так не наивничайте, ладно? Чеченец всадил в грудь своему противнику нож по самую рукоять, но скинхед успел выстрелить – из самодельного пистолета. Жить им осталось самую малость, и меня они пока не видят. Я слышу последний вздох – рука скинхеда обмякла на горле чеченца. Спустя секунду и тот закатывает глаза. Теперь они оба мои навеки.

Две тени синхронно поднимаются из сугроба.

– Вашу мать, – говорю я спокойно. – Если б вы только знали: как же вы мне все надоели!

Призраки молчат. Они ещё не осознали, что с ними произошло. Покойным нет и двадцати лет. Скинхед накачанный, с татуировкой в виде свастики на виске, смотрит исподлобья – он, видно, не прочь пальнуть в меня из своего травмата. «Чех» худосочный, горбоносый, в белой кавказской шапочке – судя по прикиду, приехал в Питер только на днях.

– Ну, так и что? – ядовито интересуюсь я. – Теперь счастливы? Прикольно, вы даже не были знакомы друг с другом. Ладно, я бы понял, если один у другого бабу увёл или кошелёк свистнул. Именно остолопы вроде вас и создают мне сложности: а я это ненавижу. Ой, да к кому я обращаюсь? Оставим философию живым... вам она не понадобится. Чего уставились на свои трупы? За ними уже выехали – упакуют в мешки, отвезут в морг. Не знаю, где вы работали раньше, но отныне я ваш новый босс. Премий не предусмотрено, выходных тоже... К работе приступаем немедленно.

Они идут за мной – бездумно, как роботы. Тени, переселившиеся в невидимый мир, не способны сопротивляться моим приказам. Наверное, они даже не поняли, кто я такой.

– Ажалла², – хрипло говорит сзади чеченец, словно читая мои мысли.

А, нет, я ошибся. Всё-таки поняли.

² Смерть (чеченск.).

Глава 1

Хине-Нуитепох

(через 2 часа, Васильевский остров)

... Возвращаюсь домой – отдохнуть на пару часов перед тем, как ехать с визитом. Да, представляете, у Смерти тоже есть дом. Надо же мне где-то обитать, верно? Если я Смерть, так это, простите, не вполне достаточное основание, чтобы я вместе с бомжами коротал ночи под мостом. Призрачная квартира отделана в древнеегипетском стиле – чёрно-песочный цвет обоев и натяжных потолков, на стенах 3D-силуэты бога Анубиса с головой шакала, строго прямоугольные колонны гостиной, подражающей храму царицы Хапшесут в Луксоре. Свет притушен, моё пристанище тонет в полутьме. Должность Смерти обязывает быть мрачным, поэтому приходится соответствовать образу, придуманному обществом. К счастью – не всегда, изредка я позволяю себе взбрыкнуть, и даже бросаю вызов проклятому имиджу. Но об этом я поведаю позже, в офисе. Цвет европейского ужаса перед вечностью – чёрный, и точка... Моё мнение, возжелай я одеться в малиновый балахон с канареечными полосками, люди вряд ли учтут. А остальное? Я получил столько имён, что, случись у меня человеческое детство... Да ни одна мать не дозволится такого ребёнка со двора к обеду. Армяне именуют меня Грох, японцы – Идзанами и Синигами, майя – Апух, мексиканцы – Санта-Муэрте, а новозеландские маори – загадочным для русского слуха именем Хине-Нуитепох... поверьте, в России это слово на публике в принципе лучше не произносить. Согласно земной мифологии, именно я и никто иной прихожу забирать души людей, окончивших бранный путь. О, тут не поспоришь – они точно знают истину. Хотя, если взаправду, я до сих пор не могу выяснить условия своего появления на свет: кто меня создал, сбросил с небес или исторг из глубин земли? Я просто есть, и всё тут.

Ну да ладно, не стоит сейчас об этом.

Вы когда-нибудь видели метрдотеля? Такой солидный человек в смокинге с галстуком-бабочкой, важно провожающий гостей ресторана к заказанному столику. У меня схожее занятие: я обязан прибрать отлетевшую от тела душу, по возможности провести краткий ликбез о загробном бытии и отконвоировать покойного в глубины Бездны. Куда душа усопшего поплывёт дальше, мне ни в коей мере не интересно. Что у меня спрашивают? Да ерунду всякую. Самый главный вопрос после заражения идеями христианства, ислама и тому подобного: «А куда я попаду? В рай или в ад?». УФФ, ДА Я-ТО ОТКУДА ЗНАЮ? Я даже не уверен в их существовании. Недавно мы с сестрой Полемос, обратившись в людей, вкушали пасту со зверским количеством чили в «Моццарелла-баре». Сестра (разумеется, на основании вешего сна) выдвинула любопытную, я бы сказал, психоделическую теорию – в раю после Бездны наверняка разрешают всё, что запрещено на Земле. Там в открытом доступе марихуана, ЛСД, свободная любовь и питьё крови других людей. «Как у нас в Питере, что ли?» – спросил я сестру, и она «зависла» с ответом. Должно ли это меня волновать? Я делаю свою работу.

Хочу вам признаться: поначалу она была куда проще.

Землю населяли всего несколько тысяч человек. Дикие племена, охотившиеся на мамонтов, с немытыми лицами и плохими зубами, до самых глаз закутанные в звериные шкуры. Скучноватое время с точки зрения технического прогресса, но зато – полный релакс, как на Карибах. Ну задавит кого мамонт в пещере, ну саблезубый тигр съест, ну подерутся на дубинах за делёжкой самки или мяса. Подумаешь! Человек пять в день в Бездну сопроводишь, а затем ложись и отдыхай. Правда, непонятно, как отдыхать: ни книг тебе, ни фильмов, ни спирта, – я мог часами бесцельно смотреть в звёздное небо. Увы, это давно в прошлом. Люди безудержно плодились, как кролики, подразделялись на расы, дробились на государства, расползались по материкам. Вот тогда я поневоле задумался о службе помощников, иначе говоря –

косарей: работы становилось всё больше, я выдыхался, у меня хронически не хватало времени. Вы бывали на битве при Гавгамелах³? Ах, ну конечно же нет. Лишь за один-единственный день в этом чудном месте погибли 90 000 солдат армии царя Дария Третьего. Вдумайтесь, пожалуйста. ДЕВЯНОСТО. ТЫСЯЧ. СОЛДАТ. Я едва с ума не сошёл. Хоть бы раз кто прикинул, каково это – привести тьму мёртвых персов в Бездну поодиночке? Не только я – *косари* сбились с ног. В тот вечер стало отчётливо понятно – я обязан в корне поменять систему. Много воды утекло, но я добился успеха, теперь на меня работает гигантская сеть офисов по всему миру: тысячи *косарей* исполняют функции моих заместителей по сбору душ. И тут не место ложной скромности – призрачный мир я создал своими костлявыми руками. Говорю же, чего у нас только нет! И кальянные, и кабинеты для руководителей *косарей* различных рангов, и даже пошивочные мастерские, ведь главное для призрака – униформа. Редкий покойник задаст лишний вопрос, если после появления в мире ином он увидит перед собой нечто знакомое по мифам. Фигуру в балахоне с косой, оскал тибетского демона Яма или индийскую богиню Кали. И так, клиент закрывает глаза на смертном ложе, далее из тьмы проявляется череп в капюшоне.

И всё – он принимает *косаря* за меня, то бишь настоящую Смерть.

Нет-нет, я вовсе не почитаю на лаврах, свалив труды на подчинённых, это вы зря. Как и прежде, я лично прихожу к одру известных политиков, кинозвёзд и монархов. Раз в сутки, а то и чаще (зависит от настроения) я охотно заберу душу обычного человека. Дабы не потерять сноровку. Что, в кино по-другому? Простите, а можно, я рассмеюсь сухим зловещим смехом? Современные фильмы о Смерти приводят меня в восторг. Благодаря режиссёрам я узнаю о себе кучу нового. Пригнитесь, скажу на ухо (*шёпотом*): оказывается, у меня есть пергамент, куда вписаны имена всех живущих, и я с рождения человека знаю – когда и где именно он умрёт. Как бы мягче откомментировать это высосанное из пальца творчество... ЧУШЬ СОБАЧЬЯ. Я не умею предсказывать будущее, подобно цыганам, и ко мне бесполезно обращаться за прогнозами. Если человеку осталось три месяца до моих объятий – да, я вижу, что скоро он в них окажется. А если больше, то... нет, грядущее полностью размыто.

Но и три месяца – это много. Странновато протискиваться на улице через толпу улыбающихся и довольных людей, не ведающих свою судьбу – у этого скоро инфаркт, у того – почечная недостаточность, а у красавца с кучей денег на днях лопнет аорта. Вот выходят из ресторана фотомодель, толстяк в костюме от «Черрути» и мачо, сопровождаемый томными вздохами девушек. И что? Я-то в курсе – фотомодель погибнет в авиакатастрофе, толстяка разобьёт инсульт, а мачо подавится и задохнётся на шашлыках в Крыму.

И каждый потом скажет: «Ну почему я?! Ах, как рано!».

Да конечно. Их в сто лет забирай – и то будут недовольны. Меня боятся и ненавидят, мной пугают и угрожают – так издавна повелось. «Костлявая придёт за тобой». Тьфу ты, ё-моё. Нет, прошу вас, поймите меня правильно, я не жажду всенародной любви. Мне это совсем не нужно, я не собираюсь искусственно накручивать рейтинги, как принято у местных политиков. Но справедливость в отношении Смерти тоже бы не помешала.

... Я открываю глаза. Мысли постепенно угасают. Беседы с самим собой в окружении 3D-проекций бога Анубиса, философия о несовершенстве человеческого общества и Вселенной, погружение в нирвану – это и есть мой отдых. Я не человек, и спать мне не требуется: однако мои глаза настолько устали от этого мира, что велико желание вечно держать их закрытыми. Хм, у вас уже наверняка сформировалось впечатление: я годами только и делаю, что жалуясь на свою долю. Так? Оно ошибочно. Я всегда понимаю – могло быть и хуже. Есть анекдот: мужик открывает дверь, а на пороге стоит микро-Смерть, размером со спичечный коробок. Мужик падает в обморок, Смерть говорит с досадой: «Да я не к тебе, я к канарейке!». Представляете,

³ 1 октября 334 г. до н. э. при Гавгамелах (нынешний север Ирака) Александр Македонский разбил и уничтожил огромную армию персидского царя Дария III.

если собирать души комаров в дачный сезон? Да в одном Питере целой армады *косарей* не хватит. Вообще, с людьми нетрудно. Они верят в ад и рай, туда попадут одни, а сюда – другие. С животными это было бы чрезвычайно утомительно. В раю для кошек должны пребывать только жирные мыши, но никак не собаки – им полагаются отдельные райские кущи. То же самое – для кроликов, блох и страусов. Другой бы уже давно сошёл с ума от философских размышлений про рай для блох, но я не могу. Я же всё-таки Смерть.

Я останавливаюсь напротив зеркала.

Редко кто способен увидеть моё настоящее лицо. Только я сам, а также Полемос, Никао и Лимос. И давайте, вы не будете упрашивать показать, как я выгляжу. Гарантирую, вам не понравится. Блин, я же опаздываю! Довольно рассуждений – спешу на выход, пора превращаться в человека. Я недолго размышляю над внешностью, и ещё меньше над одеждой: образ продуман вчера. Дублёнка, шапка-пирожок, очки в золотой оправе и вызывающая уважение седина. Тросточка? Хм, пожалуй. Я смотрю в зеркало: на шее материализуется шарф, а на ногах – модные меховые ботинки. Вскоре по улице шагает образцовый до оскомины питерский интеллигент. Поправив очки жестом библиофила, он заходит в магазинчик у автобусной остановки. Да, надо прикупить кой-какую мелочь: вопреки представлениям обо мне, я не обладаю магической силой и не умею создавать продукты из воздуха. Только человеческое тело для земного имиджа, предметы одежды на себе и аксессуары типа очков и трости. Даже деньги – и те приходится одалживать у Никао.

Я покупаю пару банок «пепси», упаковку картофельных чипсов и шоколадку. Вежливо благодарю продавщицу, дважды пересчитываю сдачу. Открываю дверь, выхожу на мороз.

И тут меня сшибают с ног.

Я лежу в сугробе, смотрю в сумеречное небо. Из пакета выкатилась банка пепси. Надо мной застыл небритый верзила средних лет, это он отпихнул меня, спеша в магазин. Понятно зачем – судя по опухшей личности, товарищу срочно требуется опохмелка.

– Очки надел, а не видишь, старый козёл?

Я пружинисто поднимаюсь на ноги. Внимательно смотрю на него.

– Тебя через пять минут собьёт автобус, – ласково говорю я. – Вот это я вижу точно...

Верзила впадает в оцепенение. Непонятно от чего – от предсказания либо нежности в моём голосе? У меня нет времени выяснять. Бросив пепси обратно в пакет, я отряхиваю снег с дублёнки и иду дальше. Вслед несутся проклятья – ну надо же, парень очухался.

...Я уже заворачиваю за угол, когда слышу визг тормозов, сильный удар и почти сразу – отчаянные вопли десятка женщин. Я останавливаюсь, мой рот искажает усмешка. Да-да, я всё понимаю. Но, простите великодушно, могут и у меня быть свои маленькие радости?

Глава 2

Дом Страданий

(через 1 час 45 минут, у метро «Выборгская»)

...Я здесь не новичок. По долгу службы мне миллион раз приходилось посещать подобные учреждения. Это метафора. Больше, конечно, но я толком не считал. Я пребывал внутри месяцами, как в гостиницах во время длительной командировки. Британия, Китай, Конго – здания этого назначения отличаются уровнем оснащённости и качеством оборудования, но в чём-то неуловимо одинаковы. Я изучил их – до кончика иглки каждого шприца. Могу наугад пройти по всем этажам вслепую. Люди, работающие тут, равнодушны к чужим страданиям. Они пластмассово улыбаются, фальшиво соболезнуют, с поддельной горестью смотрят на ваши мучения и думают: осталось пять минут до обеда, успеют ли они дойти до столовой, пока не остыл борщ из тушёнки? Видя боль и смерть ежедневно на протяжении многих лет, поневоле очерствеешь. Я их не осуждаю – по сути, мы схожи в восприятии мира. В белых домах страданий умирают слишком часто и слишком страшно. Вы сами рискните по двадцать раз в день ТАК переживать и расстраиваться – поседете раньше времени, сердце раздерут по кусочку. Ладно, я что-то увлёкся критикой – есть же в доме страданий и положительные вещи. Запах! Какой здесь запах... Настоящая наркомания. Я обожаю аромат лекарств. Что, вам такое поведение кажется странным? Конечно, у вас же в наличии одна-единственная паршивая жизнь. Нагуляетесь с моё в средневековые эпидемии по холерным баракам, ямам, куда кидали больных оспой, научитесь ценить этот парфюм. Онкологический центр при крупном госпитале возбуждающе пахнет миксом лекарств и страха. Ведь сюда входят с внутренним ужасом – минует ли меня чаша сия?

Я снова невидим.

Косари в вестибюле здороваются со мной – их здесь полно, многие приписаны к дому страданий навечно и находятся на постоянном дежурстве. Я отвечаю небрежным кивком. Они меня видят как призрака, и кто-то раскрывает рот в удивлении. Согласен, исключительно странное шоу: существо в чёрном развевающемся плаще и ковбойской шляпе, с маской на лице тащит в правой руке прозрачный пластиковый пакет с чипсами, шоколадом и баночкой пепси. Чокнутое зло-сладкоежка, ага. К счастью, я обладаю полезной способностью делать предметы невидимыми своим прикосновением (на время, увы, не навсегда), иначе было бы чрезвычайно сложно проникать сквозь стены. Представьте себе утренний разговор ошеломлённых врачей:

– Ты слышал, за больным Петровым ночью Смерть приходила?

– Слышал, конечно, и даже видел. Она в стене застряла – вместе с чипсами.

Так что, ну на фиг такое счастье. *Косари* не задают вопросов, зачем я здесь. Во-первых, у меня тут куча работы. А во-вторых, если бы и знали, это совсем не их дело.

...Я материализуюсь в его палате ровно в полночь. Он ждёт, и только делает вид, что спит. Руки поверх одеяла, сиплое дыхание, глаза блестят в темноте. Едва завидев меня у изголовья, Илья мгновенно отбрасывает одеяло и садится на кровати:

– Давно уже пора, – недовольно говорит он. – Слушай, ты сегодня опоздал!

– Извини, – смущённо оправдываюсь я. – Дел выше крыши... приехал, как только смог.

– Ладно, проехали, – меняет он гнев на милость. – Надеюсь, пепси принёс?

Я молча протягиваю пакет. Мальчик вскрывает банку, и... дальнейшее напоминает сцену с обезумевшим от жажды бедуином, наткнувшимся на оазис после недели под палящим солнцем. Содержимое банки исчезает за долю секунды: не делая паузы, он хватается за вторую – и её постигает та же участь. Остатки газировки шипят, словно змея в агонии. Да, современные корпорации волшебным образом трахнули человечеству мозг.

– Ты хоть имеешь представление, из чего состоит эта бурда?

Илья осторожно ставит пустую жестянку на тумбочку. Облизывает губы.

– Какая мне разница? Я ведь всё равно умираю, правда?

С ним нет никакого сладу – как с любым современным ребёнком. Клянусь своим «мустангом», дай мне волю, я работал бы сугубо с душами взрослых. Они пугаются, впадают в оцепенение, ими овладевает апатия, – а с флегматиками, исповедующими индуизм и буддизм, изначально никаких сложностей. Дети... хм, они не чувствуют страха. Смерть – это игра, вроде как понарошку... Мало кто в детстве принимает меня всерьёз. Спросите любого ребёнка – он с несокрушимой уверенностью заявит, что никогда не умрёт. Смерть – часть страшных сказок, из которых складывается жизнь. В сказках же принц всегда женится на принцессе, а не умирает в палате для неизлечимо больных, обколотый обезболивающими. Но буду откровенен – наглость пацана бесит. Пожалуй, лишь единожды меня сумел так разозлить один мужик в Боснии, за двое суток 17 раз (!) переживший клиническую смерть⁴. Семнадцать прогулок подряд до Бездны и обратно – простите великодушно, у любого пофигиста нервы взорвутся. Я понятия не имею, где этот босниец сейчас, но искренне надеюсь, что парень жарится в масле на сковородке в аду.

Если, конечно, ад вообще существует.

Расправившись с пепси, Илья добрался до чипсов. Беззаветно хрустит, разглядывая меня. В древности «Илья» значило – громовержец. Лично от себя я добавил бы ещё пару титулов, вроде «пожиратель нервов» и «царь вечного непослушания». Ему подойдёт.

– А почему ты сегодня так выглядишь?

– Я подумал, тебе будет приятнее, дети любят дедушек и бабушек. Кроме того, если ты увидишь моё настоящее лицо, то заверяю – у тебя сразу пепси через нос пойдёт.

Слегка задумчивый и одновременно яростный хруст чипсов.

– Ты вообще любишь быть страшным?

В детях это и плюс, и минус. Они не заморачиваются – просто говорят то, что думают.

– Да не так уж чтобы. Но у меня такой имидж. Вы привыкли изображать Смерть страхолюдиной. Нечто чудовищное, с голым черепом, в чёрном балахоне, или подземный демон с окровавленными клыками, или мегабабулька с остро отточенной косой. Появись я рядом с живым человеком в таком обличье, он будет заикаться до конца дней своих. Я тебе много раз говорил, Смерть в представлении прогрессивного человечества сама по себе отвратительное и ужасное зло. И пусть я временами отклоняюсь от образа, но в целом стараюсь соответствовать изобретённому вами стилю, иначе меня не примут. Вот, Илья, давай нарисуем с тобой картинку. Умер человек, исповедовался священнику, весь такой благодостный. И тут у смертного одра для встречи с душой вдруг появляется разукрашенный клоун с красным носом, в колпаке и с бубенчиками...

Чипсы хрустят под его крепкими зубами. Вывод следует незамедлительно – и именно такой, какого я не ждал. Дети приятны тем, что мыслят нестандартно. Вы думаете, я люблю детей? Напрасно. Плюсов у них всего два, зато недостатков МОРЕ.

– Когда я умру, то хочу, чтобы ты пришёл за мной в виде клоуна!

Это произносится серьёзным тоном, не терпящим возражений. Илья привык: у него есть бонус как у умирающего, типа последнее желание. Уже штук триста всего нажелал.

– Договорились, – улыбаюсь я. – Персонально для тебя – обещаю, я это сделаю.

Современные дети – не те, что были ещё сто лет назад. Нынешние взрослеют, как на дрожжах. В два года лихо пользуются айпэдом, да и сотовые телефоны для них простейшая

⁴ В 2003 г. 64-летний гражданин Боснии и Герцеговины Любомир Цебич 17 раз впадал в состояние клинической смерти в больнице г. Фока, и всё это время врачи возвращали его к жизни. Позднее Любомир утверждал, что за серию воскрешений смог увидеть и разглядеть ад, напоминавший «современный город с рекламой».

штука. Слишком рано познают мир, и это грустно. Илье лишь девять лет, а он разговаривает со мной, словно ему на днях стукнуло тридцать. У поколения *nex*t нет детства: они не играют во дворе, как четверть века назад, а сутками торчат в Сети. Мне всегда было интересно: а есть ли Дьявол? Если да – клянусь, именно он придумал Интернет. Стоит один раз подключиться, ввести пароль, – считай, подписал контракт кровью и продал свою душу. Гениальное изобретение адских стратегов: мало того что ты погружаешься в вечное электронное рабство, так при этом ещё и платишь бабло за свой ошейник! Правда, у Ильи особый случай. Год назад он узнал своё будущее – родители, окружившие мальчика заботой и оплатившие лучших докторов, не смогли скрыть от сына страшный диагноз. В таких условиях, хочешь не хочешь, а повзрослеешь – если тебя ставят перед фактом: оставшуюся жизнь надо успеть втиснуть в двенадцать месяцев.

Чипсы уже пали жертвой вечного детского голода. Наступает очередь шоколада. Почему его не запретят? Настоящий наркотический продукт. Дай ребёнку «сникерс», и он забудет, где находится, даже больничная койка покажется королевским ложем. Недаром, кстати, ацтеки считали: бог Кетцалькоатль принёс какао-бобы из рая. Лично я бы разузнал, откуда Кетцалькоатль стащил текилу... но об этом хроники ацтеков молчат.

– Ты так хрустел, будто по пакетику колонна танков проехала, – буднично констатирую я, поправляя очки на носу. – Странно, что врачи не обращают внимания на треск. Вообще, я удивляюсь, неужели нашу с тобой болтовню не слышно? Хоть бы кто заглянул в палату.

Илья машет рукой – она запачкана в шоколаде едва ли не по локоть.

– Мне дают сильные лекарства, после ночью видится всякая фигня. Я раньше постоянно разговаривал во сне, иногда кричал, отбивался от монстров. Доктора привыкли. Даже если и зайдут, что с того? Ты исчезнешь, а они объяснят: это бред. Сейчас я таблетки почти не пью, перетираю в пыль под одеялом и сдуваю. Зачем? Я почти умер.

– А вдруг помогут? – перебиваю я его. – Нельзя сдаваться – надо бороться до конца!

Оптимизм в лице Смерти всегда выглядит прикольно. Но Илья это не осознаёт.

– От рака ничего не поможет, – фраза произносится назидательным и всезнающим тоном, презрительно, будто он взрослый, а я – девятилетний несмышлёныш. – Чем дольше я проживу, тем больше буду мучиться от боли. При лейкемии лучше умирать быстро.

Вот этим современное население Земли меня и раздражает. Я терпеть не могу двадцать первый век. Они вообще не ценят жизнь. Бросаются с крыш, травятся, режут вены. Эпидемия какая-то, особенно в Японии. Там целые группы сговариваются и морят себя газом в микроавтобусах. Сволочи. Так никаких *косарей* не напасёшься, ей-богу.

– А есть нечто такое, что ты любишь? – спрашивает вдруг Илья.

Я всегда с ним честен. Точнее сказать, почти всегда. Нет смысла что-то скрывать от друзей, если только ваши слова не разбередят их рану. Случись завтра Апокалипсис, Илья узнал бы первым. Во-первых, ему и верно нечего терять, а во-вторых, интересно посмотреть на реакцию. Я обожаю фильмы про конец света. Там всегда показывают, как население Земли умирает, а для Смерти нет никакой работы. Потому что меня ж не существует, некому тащить души в Бездну в качестве Мрачного Жнеца. Ха-ха-ха.

Какая чудесная кислотная фантазия.

– Да ничего, – в порыве откровенности заявляю я. – Я ненавижу ваш мир с первой же минуты появления в нём. Разве раб восторгается кнутом надсмотрщика? За свою долгую историю вы не создали вещей, которые любят всем сердцем. Сейчас ты, конечно, скажешь: это потому, что я угрюм от природы. Да, я и правда зло, но не такое, каким вы меня изображаете. Я не получаю ни грамма наслаждения от ваших страданий. Я никого не замучил и не покалечил. Но что в результате? Смерть – это для вас самое ужасное, а то, от чего выдохнете, – самое вкусное. Достало... вот не сказать как!

– Угу, – говорит помрачневший Илья, стирая с лица остатки шоколада.

– Вы обожаете выдумывать себе страхи, – продолжаю разглагольствовать я. – Например, вампиров. Хоть бы разок кто подошёл и меня спросил: как в технических условиях работы Смерти может существовать нежить? То есть вот человек умер, я забрал его душу, а он мне заявляет: «Извини, на минуточку, – я не пойду в Бездну, мне пора пить кровь девственниц»? Фантастика. Илюша, будет куда проще, если ты запомнишь: умирают все. Ходячие мертвецы а ля вампиры выдуманы. И да, зомби тоже нет, если уж на то пошло. Ты твёрдо собрался помирать – ну так впитай всю горечь загробной жизни.

Он мрачнеет еще больше, но не плачет – тёртый калач. Я молча прикидываю: а что будет в двадцать втором веке? Ну, или в двадцать третьем? Уже сейчас детей не огорчить отсутствием деда Мороза, – но правда о том, что нет зомби, взрывает им мозг. Так, шоколад тоже исчез. Сколько способен съесть этот ребёнок? Кошмар.

– Протри руки влажной салфеткой, – наставительно говорю я. – Тщательнее, пожалуйста. Ага, с обеих сторон. А теперь ложись и слушай – настало время ночной сказки...

Илья послушно вытирает руки и губы, устраивается поудобнее на кровати. В этот момент он кажется особенно беззащитным. Запавшие глаза (они резко выделяются на фоне мертвенной бледности), голова без единого волоса, посеревшая кожа (маленький череп обтянут ею, словно барабан) и тёмные круги на измученном лице. Именно так он и выглядел в первый день, когда мы с ним встретились в больнице у «Выборгской».

Да, пять месяцев назад. Когда я не смог его забрать.

Сказка первая Игрушечный император

...«В некотором царстве, в некотором государстве жил да поживал один император. Как положено, с золотыми эполетами на плечах, в сюртуке и огромной треуголке, ввиду экономии заменявшей корону. Был он такой маленький по росту, что подданные считали: он вовсе не настоящий, а игрушечный. Может, и так, а только царство у него было как раз настоящее и размером вполне себе огромное: подари, к примеру, Золушке такое фея-крёстная, та бы уж точно не отказалась. Я не могу сказать, что император был очень злой, но уж и не добренький... Примерно как все тогдашние правители, короче. Глупости тоже совершал, не больше остальных государей. Он обожал женщину из простонародья, но в жёны себе выбрал заграничную принцессу: привёз её в столицу, и тут-то они весёлым пирком, да за свадебку. Ты спросишь: отчего ж император оказался дурачина эдакий, простофиля, даром что игрушечный? Видишь ли, так было положено. Женись он на простолудинке, прочие императоры в момент бы замутились – мол, коллега, что за фигня? Ты чего нас позоришь? Если верить летописцам, в незапамятные времена монархи были абсолютистами – то бишь могли творить абсолютно всё, что им вздумается. Но это лишь часть правды. Цари-батюшки, как и сейчас, зависели от общественного мнения: герцога сказочного Лукоморья заботило, что думает о нём король Средиземья, а принц Некоторого Царства сходил с ума в ожидании оценки своей личности от князя Некоторого Государства. Выражаясь молвой ваших отдалённых районов, где ночные переулки полнятся рыцарями в спортивных доспехах, услаждающих себя яствами из семян подсолнухов: «Кто женится на простолудинке – тот лох». Предчувствую, ты лелеешь свежий вопрос: раз царство сказочное, водились ли там драконы? И я, как в случае с вампирами, дам тебе исчерпывающий ответ: ничего подобного! Драконы – это выдумка. Я не встретил в Средние века даже зачуханного динозаврика размером с кошку. Скажу больше: заведись драконы в реальности, именно они и населяли бы Землю – а вовсе не люди. Ибо драконы по сути своей хоть и мифические, но весьма практичные рептилии: они не объедаются шоколадом и чипсами, как КТО-ТО в этой палате. Дальше? Фей в стране игрушечного императора тоже не было, равно как и злых волшебников. Коты в домах царства, впрочем, присутствовали в избытке, но совер-

шенно без сапог и даже без нижнего белья – потому что коты вообще не одеваются. Мёртвых царевен аналогично не наблюдалось, не говоря уж о подземных гномах. Нормальное живое царство, без старомодных шизофренических ухищрений. Я кажусь тебе скучным? Ты не прав. Иногда я не против разумного количества волшебства, но ключевое слово здесь – «разумный». Сказка про Белоснежку мне упорно не нравится. Почему? Любая басня, где по сюжету оживают мертвецы, является плодом нездоровой фантазии. У меня бухгалтерский учёт, ты понимаешь? Человек умер, я провожаю его душу – либо в Бездну, либо в Небоскрёб в качестве *косаря* – и всё. В любом из вариантов, он становится обитателем призрачного мира. В теории зомби сто-процентно мой клиент, но будучи официально мёртвым, формально он остается живым, и этот факт мне крышу срывает. Предвижу второй вопрос – а что же тогда осталось сказочного в царстве? Хм, ларчик открывается просто: сам игрушечный император владел определённым волшебством. Он родился на скалистом острове в семье бедного адвоката, но получил свою треуголку из рук святого папы римского. Папа – это не в смысле отец Рима, должность такая есть... Можно, я тебе прямо сейчас объяснять не буду? Императора окружали сыновья трактирщиков, крестьян и мелких торговцев. С помощью магии он превратил их в графов, герцогов и рыцарей. Он наслал колдовские чары на армию – она стала непобедима, императорские солдаты шагали по Европе, складывая к ногам своего властителя звенящие короны поверженных государей. И каждый король, оставшись без королевства, в отчаянии ломал голову: в чём же секрет колдовства? Где тот главный артефакт, помогающий игрушечному императору и грозящий гибелью остальным? Шпионы со всего мира стремились проникнуть в императорский дворец из слоновой кости, чистого золота и серебра. И похищали его саблю, шинель и треуголку, ликуя: ну всё, теперь сила врага иссякнет, как в сказке про силача Самсона и предательницу Далилу, ослабившую беднягу путём эпиляции. Без толку. Чары императора оставались столь же мощными, а колдовская армия – непобедимой. Но однажды игрушечный император пошел войной на страну снежного короля, дабы запасти как можно больше пломбира: ведь император в треуголке просто жить без него не мог. Увы, безудержная любовь к сладостям до добра не доводит... да-да, не надо жмуриться и притворяться, что ты сейчас не слышишь моих слов! Случилось непоправимое: тот король наслал заклятие посильнее, и все солдаты императора в одночасье превратились в сосульки. В игрушечном царстве не было Гидрометцентра, челядь не могла предсказать погоду, а также проверить успешность вторжения на опросах фокус-групп. Снежный король пришёл в столицу императора, заморозив там всё, – и только звон стоял на улицах, когда люди сталкивались лбами. Женщина, которую любил император, умерла, а принцесса бросила его – поскольку больше никто не верил в царскую магию. Игрушечный император пребывал в растерянности. Он воззвал к новым солдатам, но они испугались заморозиться и отказались воевать. Он воззвал к своим маршалам, но тех интересовали только награбленные самоцветы и жемчуга. Он воззвал к своему сыну, но наследник был слишком маленький, как и ты, и больше интересовался шоколадом, нежели царством. На императора наложили морозное заклятье: он навсегда потерял свои чары. Его сослали к далёкому острову у берегов Лимпопо, и там он мог лишь повелевать обезьянам срывать с пальм бананы: да и те часто ленились выполнять приказы. Ночами император плохо спал – ему снились сны, где он вступал в свою столицу и кропотливо размораживал её, как бабушка холодильник, а солдаты, восставшие изо льда, стирали с усов иней и шагали на Восток. Игрушечный император понял свою ошибку! Ему следовало не увлекаться пломбиром, а завоёвывать тёплые царства с прекрасным климатом, курортными комплексами, пальмовыми рощами и термальными источниками: сейчас он первым делом занял бы Анталию, оккупировав отели олл-инклюзив. Император втайне надеялся – подданные спасут его от диких обезьян. Но ничего подобного. В сказочном царстве-государстве на трон сел новый царь, и все кланялись только ему, а сам царь делал вид, будто до него никакого государя в помине не было, он лишь так, привиделся. И император заскучал. Заняться же на острове было нечем – ни Интернета, ни телевизора – славные времена

без виртуальных холиваров и промывания мозгов. Островное население развлекалось тем, что заболело малярией и жёлтой лихорадкой. В конце концов, император тоже предался этой забаве. Нынешние звездочёты намекают: государя отравили враги из страны туманов, но это неправда... Я исследовал миллионы летальных исходов, и видел – скука убивает вернее, чем пуля. В назначенный срок я явился к нему, мы проговорили всю ночь. Игрушечный император сказал: может ли быть такое, что вся моя жизнь – наваждение? Скажем, сейчас я сплю – а проснувшись, снова увижу себя на троне?

Не скрою, порой я жесток с клиентурой.

Очень многие считают моё появление сном. Это неправда. Я не сон, я – ваш кошмар наяву. Император не был оригинален. Также новизной не отличались и другие вопросы: почему у меня нет косы, и отчего я не старуха... Мне захотелось ударить его, но я сдержался. Поняв, что это не сон, император заплакал. Он сказал – я ничего не приобрёл. Я родился на острове в паршивом домишке, и я умираю на острове в такой же халупе без сантима в кармане. В чём же тогда смысл славы, звона оружия и громких побед? Я не смог ему ответить. Когда все умирают, так сразу начинают гнать эту философскую пургу, а вот задуматься при жизни их не заставишь и пытками. Игрушечный император открыл бутылку вполне настоящего арманьяка. Мы оба пили, не зная зачем – ни он, ни я не чувствовали вкуса. «Обидно, – заметил император. – Власть – как этот арманьяк. Ты пьёшь её залпом, но на твоём языке не остаётся даже послевкусия... только тлен. И всё вокруг тебя увядает – и любовь, и верность, и радость бытия». Души умерших не понимают – Смерть слышала подобные речи уже миллион раз. И каждый раз, внимая разглагольствованию, я грустно думаю: когда же надоедливое привидение заткнётся? Под утро игрушечный император смолк, и я сопровождал его в Бездну. Он вошёл туда без колебаний – и тёмные воды сомкнулись над треуголкой. Я не ошибся, ты спишь? Вот так я и знал – ты всегда засыпаешь до конца сказки. Ладно, я ухожу, меня ждут дела в Дамаске. Спи и не сомневайся – я приду к тебе снова. Или приду за тобой.

Это уж как получится».

Глава 3

Сук аль-Хамидия

(Дамаск, неподалёку от мечети Омейядов)

... Я с показным аппетитом слизываю с ложечки сливочное мороженое, густо обсыпанное миксом из орехов. Фисташки, кедровые, арахис. Жмурюсь от удовольствия. Конечно, я ничего не чувствую, и для меня лакомство на вкус – как вата. Но это исключительно известное кафе в Дамаске, открыто ещё при османах, сюда приезжают есть мороженое из Алеппо и Дейр-эз-Заура. Поэтому и нужно делать вид, будто поражён сочетанием сладчайших компонентов – иначе заподозрят неладное. Сестра Полемос ведёт себя до крайности аналогично и, кроме того, привлекает всеобщее внимание: она в прозрачной кофточке без лифчика и бесстыже короткой юбке – тут так одеваются, мягко говоря, немногие. Модельная стрижка рыжих волос под Леди Гагу, лицо, щедро оснащённое косметикой, вздёрнутый нос, не чуждый веснушкам, и чёрные очки – большие, подобно чайным блюдечкам... чтобы никто не видел её глаз. Она тоже облизывает ложку – так, что на нас оглядываются абсолютно все посетители кафе.

– Как у тебя сегодня дела? – равнодушно спрашиваю я.

Мне, собственно, плевать, как у неё дела. Я стараюсь казаться вежливым.

– Отлично, милый брат, – скалит белые зубки Полемос. – А когда они шли плохо? Ты же знаешь – я всегда наслаждаюсь своей работой, она доставляет мне букет удовольствий. Да и усилий для успеха особо прикладывать не приходится. Я как экстази на вечеринке: стоит людям меня чуток попробовать, и они моментально слетают с катушек.

Я кисло улыбаюсь. Да, Сирия – её новый проект. Слишком тут было спокойно. Зато теперь мусульмане и христиане соревнуются, кто больше отрежет ушей, дома пылают, а бомбардировщики разделали города, как бог черепаху. Можно не любить Полемос, но нельзя не признать... у сестры превосходный талант организатора. Высади её на недельку в безобидном Монако – она и это княжество завалит мертвецами по самое казино. Я вижу дрожь её тонких ноздрей – она чувствует кровь... для Полемос гемоглобин всё равно что кокаин. Стоит ей не нюхнуть *красенького* тысячу раз за сутки, уже хиреет, кожа покрывается морщинами. Но когда такое было? Люди с упоением грызут друг другу глотки, поэтому сестра свежа и юна, словно шестнадцатилетняя школьница. Не стесняюсь признаться – я завидую тем, кто обожает свою работу. Полемос не застанешь в центральном офисе, она всегда в командировках. То в Ираке, то в Афганистане, то в Судане, то в Мали, одно время просто не вылезала из Югославии. В разгар Второй мировой, правда, у неё был своеобразный период осёдлости – тогда мы все остановились в Ленинграде: больше всего дел, больше всего трупов. Небоскрёб в призрачном мире так и звался – Штаб Четверых. Полемос деловито смотрит на часы. Облизывает верхнюю губу.

– Сейчас, – стонет она. – Пожалуйста, прямо сейчас!

Квартал старого рынка – Сук-аль-Хамидия – сотрясает небывалой силы взрыв. Крики раненых смешиваются с сиренами машин. Полемос опускает правую руку под стол, по телу пробегает судорога. Сестра переживает то самое, что у людей зовётся оргазмом.

В левой зажата ложечка. Зачерпнув лакомство, она отправляет его в рот.

В мороженом – битое стекло, взрывная волна высадила витрину. Но сестре это не причинит вреда, а мне-то уж и подавно. Царит всеобщая паника, столики забрызганы кровью, люди разбегаются, сбивая с ног и топча друг друга. Вспыхивает автоматная стрельба, следует второй взрыв – той же мощности, но где-то там, в отдалении.

– О да, – с удовлетворением произносит Полемос. – Я волновалась, что взрывчатка отсырела, поганое предчувствие: сидела, как на иголках. Если откровенно, иногда прямо руки опус-

каются. Уйму работы сделаешь, протянешь нити, организуешь заговор – и бах, облом в самый-самый последний момент. Ты постоянно в делах, и не видишь: если срывается хороший тер-акт или серия авиаударов, я с досады плачу в подушку – кровью. Зато, когда оба самолёта вре-зались в башни-близнецы Нью-Йорка, я, извини за интимное откровение, так кончила – аж колени пришлось сжать. Внутри как штыком всё пронзает, и понимаешь – вот ОНО. Братец, ради таких моментов я и вкалываю – дарю себе оргазм за оргазмом.

У неё на лице взбухают вены. Сестра всасывает кровь убитых.

– Ты бы как-то предотвращала нервные срывы, – бесцельно дроблю я ложечкой орехи. – Сейчас, например, в моде психоаналитики. Запишись на приём как обычный человек, и...

– Да фигня полная, – прерывает она меня, вдыхая дым пожаров. – Я пробовала тайком... а результат? Действительно, возлежишь на мягкой кушетке и изливаешь душу совершенно незнакомому человеку. Казалось, в чём тут подвох? Я в Ливии всего за два часа такого нагово-рила – психоаналитик поседел. Пришлось в этой стране срочно восстание по sms организовать, чтобы доброго доктора в перестрелке грохнули. Лучше я с тобой потреплюсь, мой славный братец. Скажи честно, я не надоедаю?

Я улыбаюсь во весь рот.

– Да ну что ты, родная. Разве ж ты можешь надоесть?

Она вздыхает, кладёт свою ладонь поверх моей. Я чувствую, как нечто пульсирует внутри: артерии умирающих, их кровь питает жилы Полемос. Её щеки медленно розовеют – она полу-чила дозу. Ну не говорить же вслух, что я на самом деле думаю о сестре. Неугомонная хлопотунья, блядь. Сидит, такая кисуля, и словно не знает: после дел, что она натворила, мне и при-шлось рекрутировать помощников-косарей. Люди сначала убивали самих себя сотнями, затем счёт пошел на тысячи... а теперь в штабелях миллионы мертвецов. У неё великое множество масок, как и у меня. Для древних греков она была Арес – бог, пьющий кровь, для египтян – богиня Сехмет, сжигающая землю, для индусов – зловещий Сканд с шестью головами. И да, я не питаю к ней нежных чувств. Знаете, почему? Полемос любят. Ей упиваются. Однажды ввязавшись в неё, люди тонут, словно в болоте, – они навечно её любовники. Она выжимает мужчин, подобно нимфоманке: жертвы теряют человеческий облик, трахаясь с её ненасыт-ным телом, превращаясь в обезумевших свиней. Рыжая царствует в странах десятилетиями, а любимое место отдыха Полемос – Афганистан. Овладев её жарким лоном и кончив ей на живот, ни одна особь не догадается: этот секс будет вечным. Сестра не опустится до того, чтобы убивать лично. Зачем? Она эстет, а не мясник. Полемос обратится хоть в юную барышню, хоть в умудрённую годами старушку – и запросто, в обоих обличьях нашепчет на ухо нужные слова чахоточному сербскому гимназисту в Сараево. Или сделает нужный вброс фальшивых доку-ментов, и Буша переклинит на существовании атомной бомбы у Саддама, Ирак падёт под уда-рами бомб. Мы встречались с сестрой повсюду. Во время осады Трои. В горящем Вавилоне. Пили зелёный чай, сидя посреди пепла Нагасаки. Мы с ней неразлучны.

Я её не люблю. А вот она меня любит. Ну, я так думаю...

Я подарил ей (пусть и невольно) самое высшее наслаждение за время всего земного бытия. Ей стыдно в этом признаваться, однако... уверен, она была счастлива. Правда, благо-дарность ничуть не означает, что славная сестра Полемос одобряет мой поступок.

– Никао сказал – убеждать бесполезно, – хмурит она бровки. – А меня ты слушаешь?

– Выслушать страждущего – всегда без проблем. – На моих зубах хрустит стекло. – Но поступаю я так, как считаю нужным. Никао бубнил весь час – Мастер недоволен, Мастер то, Мастер это. Хочешь меня удивить, Полемос? Тогда поведай что-то новое. Только не оперируй вещами снами, договорились? Мне вполне хватает раскраски «мустанга».

– Я не обеспечу разрыв шаблона, – она обвивает вокруг указательного пальца рыжую прядь. – Ты и так знаешь моё мнение. Я верю в высшие силы, их всевластие и мощь. Всегда верила. Стоит тебе слажать, не выполнить работу... Мастер пойдёт на крайние меры – для

безопасности земного бытия. И что тогда? Лучше не испытывать на прочность его доброту. Ты не раз за нашу историю видел, как с лица земли стирали лазарет или больницу. Я говорю чисто теоретически: если терпение Мастера лопнет, я не смогу послушаться приказа. Да, в Петербурге давно нет полномасштабной войны... но ты же понимаешь – случиться может всякое, включая и атаку террористов.

Моя человеческая маска бледнеет. Просто реагирует на эмоции.

Она мне угрожает? Ушам своим не верю. Впрочем, их всех ЭТО волнует, и ясно, почему Полемос на стороне моих братьев. Тем не менее дошло до шантажа, значит, дело совсем плохо: они не гнушаются использовать любые методы, стараясь меня остановить.

Я радужно улыбаюсь ей – так, чтобы она не заметила беспокойства.

– Сестра Полемос, ты забыла одну вещь, – тихо сообщаю я, отодвинув мороженое. – Я – Смерть. А этот радостный либо прискорбный факт... ты уж сама выбери удобный вариант... означает следующее. Если в будущем вы с братьями умрёте, то именно от меня зависит, сойдёте вы в Бездну или останетесь кушать перец в призрачном мире. Вот ведь незадача – я не могу скончаться раньше вас. Я уважаю твои религиозные чувства, но не глупо ли братьям портить со мной отношения во имя конфеток от невидимого Мастера, подтверждений о существовании которого мы не имеем до фига тысяч лет. Поосторожней, сестрица. Даже сейчас мы не равны... Я выполняю главную работу в загробном мире. А стань вы мертвецами, гарантирую, вы всецело будете в моей власти.

Я бросаю на столик горсть монет с орлом. По привычке: принимать плату некому, хозяин вместе с официантами лежит на полу в луже крови, сражённый осколками бомбы.

Она нагоняет меня на улице, у выхода к цитадели.

– Извини! – Я чувствую её взгляд даже из-под тёмных очков. – Я не забыла, что обязана тебе главным удовольствием со времён рождения. Но сейчас... волнуюсь за тебя, хоть это и непривычно. Я вижу во снах Мастера. И уверена: если Он знает – Он не простит...

Я молчу. Она нежно берёт меня за локоть, и мы идём вдоль улицы под ручку – Смерть и Война. За нашими спинами взрываются, взлетая на воздух, автомобили, с небес сыплется щебень, здания охвачены пламенем. Наверное, мы впечатляем при взгляде со стороны. На мне тлеет одежда, лоб и щёки в копоти, её тело и вовсе одна сплошная рана, сразу три осколка попали в грудь. Пожалуй, придётся сменить внешность, принять другой облик – по всему лицу кровоточат порезы от разлетевшихся стёкол. Как люди выжили в этом мире? Тонкая кожа, тупые зубы, ломкие когти – да такого дохляка кролик заборет. А они даже слонов и тигров – и тех умудрились поставить на грань исчезновения. Лицо Полемос превратилось в кровавую маску, но я вижу – она улыбается, её молодость вечна. Покончив со слонами, люди принялись мочить самих себя, причём с удвоенной яростью. Сестра уезжает сегодня на север – в Алеппо, где весь год продолжаются уличные бои.

...А вот я – остаюсь. Этой ночью у меня в Дамаске официальный отчёт.

Глава 4

Расплата временем

(центр Дамаска, у ворот цитадели)

...Он ждёт у памятника самому себе. Статуя ему совершенно не нравится, и меня это не удивляет. Большинство обитателей загробного мира недовольны изваяниями в свою честь. Скажем, русский царь Пётр Великий работал в офисе триста лет. Но, едва увидев монумент работы одного грузинского скульптора, сам попросил сопроводить его в воды Бездны. Мне было жаль. Я часто выбираю менеджеров *косарей* из числа бывших земных владык – так удобнее. Они не могут подчиняться? Чуть. Даже Иван Грозный был весьма богобоязненным... А тут, ты умер и понимаешь, твой бог – это Смерть. Разве у кого-то поднимется рука на господина призрачного царства? Да я вас умоляю. Каждый знает, в жизни ещё можно что-то изменить, а после смерти в переменах нет никакого смысла.

Я вижу султана издали. Крепкий и жилистый мужик с бородой.

– Саляму алейкум, ли сайед⁵, – произносит он, и в голосе море уважения. Полководец Салах-ад-Дин, бывший покоритель Иерусалима, в связке со мной уже восемьсот лет, и мы привыкли друг к другу. Да и есть ли в его работе нечто новое? Раньше он властвовал над душами живых, теперь над душами мёртвых. Как говорится, найдите десять отличий.

Я ему не мешаю. Я приехал в командировку забрать душу – по графику.

Призрачный Дамаск очаровывает в первые секунды пребывания, каждый раз я ощущаю – мне есть чем гордиться. Я – зодчий теней, и я строил эти города с помощью лучших покойных архитекторов. В центре (да и на окраинах) нет ни одной мечети, ибо я запрещаю исповедовать любую религию. Вот сами подумайте: я ж не знаю, чей престол за Бездной – Мухаммеда, Иисуса или Амагэрасу, так зачем рисковать? У мертвецов есть всё. И красивые улочки с домиками как в мавританском, так и в османском стиле, и десятки кальянных (набор табака с перцем чили и острейшими пряностями позволяет слегка почувствовать вкус), и даже торговые ряды купцов времён Арабского халифата. Да-да, в теновом царстве построен свой рынок, не хуже Сук-аль-Хамидии, – он славится на весь загробный мир, и за одеждой сюда слетаются души из Каира и Тегерана. На призрачном рынке можно купить облачение гаитянского барона Субботы, ожерелья тибетского демона Ямы и стандартные балахоны с капюшоном – к каждому бесплатно прилагается коса знаменитой дамасской стали. Украшения в виде черепов, чётки из фаланг пальцев, серьги с носовыми хрящами... Не удивляйтесь – среди *косарей* хватает женских душ, кои неустанно заботятся о нарядах и зависят от критического мнения других мертвецов. Повсюду телеги и фаэтоны, нередко попадаются персидские древние колесницы. Крики верблюдов, ржание лошадей и топот ослиных копыт – в городах призраков машины есть только у высших менеджеров... то есть у нас, **квартира** невидимок, правящих обоими мирами. Мне было лень реформировать всё подряд.

– Что новенького? – присаживаясь на лавочку, буднично спрашиваю я Салах-ад-Дина.

– Сегодня весьма банально, халиф, – отвечает мне он, неловко вертя в руках планшет с арабской вязью на «спинке». – Свежая серия терактов вокруг рынка и мечети Омейядов, шестьдесят пять покойников. Полсотни инфарктов, четыре разрыва аорты, одна женщина упала с балкона, двое утонули в море, трое подавились мясом. Так, что ещё... – *неловко тычет он пальцем в сенсорный экран*.. – Один свалился в канализационный люк, другой с лестницы загремел, свернул шею. Три десятка погибли в автокатастрофах – ну ты знаешь, милостивый халиф, как в наших землях принято ездить на самоходных повозках. Четырнадцать инсультов

⁵ Мир тебе, мой господин (арабск.).

с летальным исходом – это стандарт. Бой возле Хамы – сорок солдат и полсотни повстанцев убиты. Плюс несчастный случай, – с *трудом нажимает он баннер*, – некий торговец полез чинить телевизор, током убило.

Салах-ад-дин по привычке зовёт меня «халиф», на арабском – повелитель правоверных. Я не возражаю. Пусть эта должность относится к мусульманам, в ней есть доля правды.

– Вот что за народ, ей-богу, – говорю я с плохо скрытой досадой. – Неужели так сложно электрика вызвать? Нет, лезут сами разбираться, хоть и понятия не имеют, как устроен «ящик». Конечно, живым же плевать, что в загробном мире с начала года второй дополнительный набор *косарей* провели. Эх, Салах... насколько бы разгрузился мой график, соблюдай люди элементарную технику безопасности! Ну, переходишь ты дорогу, – голова отвалится по сторонам посмотреть? Мне будет парадоксально жаль, если выяснится, что ада нет. Система наказаний за глупую гибель необходима. Дёрнуло тебя током по личному идиотизму, рискнул перебежать перекрёсток на красный свет – вот и жарься на сковородке, кретин. Ладно, у вас ещё гражданская война, это я хоть без радости, но понимаю. Резать ближнего своего в людской природе, такие вещи неискоренимы. Знаешь, сколько душ пришлось перетаскать в Бездну после распада Советского Союза?

– Не знаю, господин, – шёпотом отвечает менеджер *косарей* Дамаска.

– Ну конечно, – хлопаю я крылом. – Ты ж не русский или грузин. Да неважно. Хотя войну я ненавижу. Не поверишь, самый главный пацифист по натуре – это как раз я.

– Что такое пацифист, о халиф? – удивлённо таращится Салах.

Я не обижаюсь. Это моя вина, незачем с призраком из Средних веков козырять чересчур умными словами. Попробуй подойти к неандертальцу и размеренно сказать ему в лицо: «Монетизация экономики», – дубиной по голове заработаешь и всего делов. В России то же слово «пацифист» легко путают со словом «педераст». И ведь действительно, если так уж разобраться, похоже. Мимо нас плавно движутся *косари*, на ходу отвешивая церемонные поклоны, некоторые прижимают к груди покупки. В призрачном мире нет денег, ты можешь расплатиться только своим временем. Пойти забрать сотню душ вместо определённого *косаря*, пока тот кайфует в **баре воспоминаний**, как романтично называют обычную кальянную, – тяжкий труд, ибо душа душе рознь. Так вот, самый главный пацифист и заодно главный хиппи в мире – это я. Не поверите, в разгар сражений во Вьетнаме я даже принимал участие в антивоенных демонстрациях в Нью-Йорке – инкогнито, конечно. Я ведь прекрасно понимаю, Смерть, с розой в руках распевая песню Леннона *Give Peace A Chance*, выглядит абсолютно поидиотски. Но да, я против войны. Для меня работать в период военных действий, когда трупы сыплются штабелями, это всё равно что для вас разгрузить вагон с углём, а за полчаса до выдачи гонорара в кассе обрести извещение: за те же деньги вы обязаны «облегчить» ещё двадцать вагонов.

– Человек, ненавидящий войну, – предельно доходчиво объясняю я.

– Поразительно, господин, – деликатно кланяется Салах. – Война соединена со Смертью.

Вот прикиньте только, и этот туда же. Иногда думаешь: может, заказать себе рекламную кампанию? А что, было бы неплохо. Билборды по всему Питеру, телевизионные ролики в прайм-тайм, газетные интервью. Путин может, а я не могу, что ли? С деньгами нет проблем, их даст вечно сопящий брат Никао. Наверное, это существо в волдырях богаче всех на Земле – ему принадлежат табачные фабрики, химические заводы и дорогостоящие проекты утилизации ядерных отходов. При желании, братец смог бы нанять Билла Гейтса – за обедом на балайке поиграть. Пусть Никао профинансирует рекламу, чтобы человечество наконец уяснило: не Смерть тащит в мир иной, а лишь итоги их дебильных поступков. Я не забираю по своей воле и не прихожу за теми, кому это не суждено. А они думают, у меня стоит одна задача – угробить побольше народу. Вот удовольствие-то, ага.

Полное убожество мыслей. Но чего ещё ожидать от людей?

– Не говори о вещах, о которых понятия не имеешь, – резко прерываю я Салаха.

– Да, халиф, – немедленно кланяется он. – Как тебе будет угодно, мой господин.

Он видит – меня лучше не раздражать. Чутьё у султана на уровне.

– Кого забирать сегодня? – деловито спрашиваю я. – Мне скоро возвращаться в Питер.

Салах-ад-Дин прячет планшет за пазуху и лезет в голенище сапога за свитками. Вот что ты будешь делать, а! Средневековые призраки консервативны: они уверены, важные записи надёжней хранить на пергаменте. Я и угрожал, и ругался, и приказывал – ни Чингисхан, ни Готфрид Бульонский не признают айпэд, и всё тут. Да ладно Средние века! На днях Папе Римскому Иоанну-Павлу Второму планшет подсунул, так тот его в святую воду окунул. Хорошо ещё, что устройство прозрачное, не то бы моментально технике кранты.

– Некто амир Абдаллах аль-Нури, – сообщает Салах канцелярским тоном. – Командир отряда повстанцев. Только что подорвался, собирая бомбу. Проживет ещё три минуты. Не совсем достойная вас кандидатура, господин, – но увы, сейчас нет никого уровня Каддафи.

– Годится, – киваю я. – Я рад, что не Каддафи: тот сам из меня едва душу не вытащил.

– Амир в Думе, пригороде Дамаска, – сворачивает свиток Салах. – Приятного пути, халиф.

...Я успеваю секунда в секунду. Сакральный момент, когда душа отделяется от тела и видит меня, стоящего в ожидании – иногда с улыбкой, иногда с каменным лицом, иногда нетерпеливо кидающего взгляд на часы в ожидании финала агонии. Покойный – бородатый мужик в камуфляже, с зелёной повязкой на голове. Впрочем, половины головы у него как раз и нет, камуфляж пропитался кровью. Он смотрит на меня уцелевшим глазом.

– Я в раю? А куда делись мои семьдесят девственниц?

Да, это они первым делом спрашивают. Немудрено, что среди последователей саудитов столько кандидатов в мученики. Христиане тоже смешат. Они аналогично, едва умерев, интересуются – это рай? Ну да, если видишь фигуру в чёрном балахоне, с косой за плечами и черепом вместо лица – понятное дело, ты прямиком попал в сады Эдема.

– Ушли блины тебе печь, – информирую я с постным видом. – Давай, хабиби, поднимайся.

До тени боевика (даже при отсутствии половины мозга) доходит: что-то тут не так.

– И где же Аллах? – в ужасе спрашивает мертвец.

– Не знаю, – лениво кидаю я ему через плечо. – Я его ни разу не видел, и не уверен, что ты увидишь. А ещё я не в курсе, в каком окне Небытия получать положенных тебе гурий, и не могу подтвердить или опровергнуть, что тебя ждёт рай. Официально, по твоим верованиям, я – отвечающий за сбор душ архангел Малак аль-Маут⁶. Так что можешь если не любить меня, то, по крайней мере, жаловать.

Я делаю взмах чёрными крыльями, вокруг нас поднимается ветер, гремит гром. Тут вы опять меня осудите, хотя положи руку на сердце: кто из вас не любит дешёвые понты и дорогие спецэффекты? Крылья сформированы мной впопыхах, но вряд ли он заметит.

– Я забираю твою душу, – объявляю я. – Прими судьбу, как положено воину.

Он идёт за мной к берегу Бездны, шатаясь, как пьяный. Пару раз спотыкается, но в целом, для призрака, при жизни утратившего большую часть мозга, руку и половину ребёр, парень ведёт себя прилично. Завидев Бездну, он молчит, глядя в её маслянистые воды.

– Девственниц точно не будет? – на всякий случай уточняет амир аль-Нури.

– Да вот как-то не повезло тебе с ними, – зеваю я, в то время как горизонт разрезают проблески молний, а воды Бездны издают зловещее шипение. – Сам посуди – откуда их взять-то столько? На тот свет далеко не все женщины прибывают целомудренными, плюс давай исключим старушек и младенцев, – а мучеников за веру в последнее время катастрофически много.

⁶ Буквально: Царь Смерти (арабск.).

Не удивлюсь, если в вашем раю уже тотальный дефицит гурий: введены талоны, праведники мнутя в огромных очередях, а запись на тысячу лет вперёд... Вряд ли кто-то из мучеников обслуживается по блату.

– Хватит, аль-Маут! – стонет аль-Нури, упав на колени. – У меня голова сейчас лопнет!

– Уже, – любезно улыбаюсь я ему. – Ещё вопросы есть? Нет? Счастливого пути.

...Дождавшись, пока Бездна поглотит душу амира, я поворачиваюсь, и... едва не врезаюсь в своего шофёра. Честное слово, не будь я Смертью, сейчас бы перекрестился.

– Какого хрена ты тут делаешь?!

– Э-э-э... сэр, я подал вам «мустанга», сэр.

У него зуб на зуб не попадает. Нервная личность. Есть в этом нечто абсурдное – бояться Смерть ПОСЛЕ смерти. Хотя, по справедливости, не он один такой. К теневому миру обычные *косари* и *сотрудники* (те, кто не забирает души, но входит в обслуживающий персонал офиса – шоферы, счётчики, секретари) привыкают быстро, а вот Бездна страшит своей неизведанностью. Но мой шофёр весьма нестандартная тень. Я сажусь в «мустанг», он заводит машину, – заметно, как трясутся руки. Постоянно оглядывается, в зеркальных тёмных очках – моё отражение. Автомобиль взмывает в воздух – строго вертикально, – и делает плавный разворот.

Я доволен. Не у каждого в этом мире водитель – Элвис Пресли.

Глава 5

Смерть и Элвис

(полёт между Дамаском и Санкт-Петербургом)

... Я не скажу, что путь долгий, но в то же время не назвал бы его коротким. У «мустанга» конкретно моей загробной модели скорость побольше «конкорда» – обычный самолёт летит из Дамаска в Питер пять часов, я же вполне управляюсь за тридцать минут. Знаете, это выгодно – оставлять в призрачном мире передовых учёных, не отпуская их в Бездну. На меня работают Эйнштейн, Туполев, масса других крупных и мелких специалистов. И, как видите, дела идут отлично. Конечно же, я и сам в состоянии переместиться в любую точку Земли. Раньше я так и делал, но сейчас, увы, понимаешь – иногда необходимо поработать на имидж. Британская королева часто ездит в карете с лошадьми в упряжке и лакеями на запятках. Я действую примерно так же, хотя это и вгоняет меня в грусть. Смерть стала заложником мифов человечества о ней. А потом? Тут всё меньше и меньше людей верят в богов, скоро скажут – никакой Смерти не существует, мы попросту перемещаемся в другую биосферу.

И что тогда делать?

По-вашему, я зря волнуюсь? Напрасно. Вы только посмотрите, что сделал атеизм с миром живых. Стоит человечеству перестать верить в кумиров, как оно автоматически сходит с ума. Рим прекратил чествовать Юпитера – и лёг, как шлюха, перед толпами варваров. Русские пошвыряли истуканов Перуна и Дажьбога в реки, – и монголы паровым катком раскатали мелкие княжества Руси. Ацтеки наплевали на Кетцалькоатля, обратившись в католичество, – где теперь их держава? Нет-нет, и не уговаривайте. Если этим существам так нужно, я ещё поработаю клоуном в чёрном плаще. В конце концов, мне не привыкать.

Я кидаю скучный взгляд на водителя. О, давно хотел ему сказать...

– Меня всегда поражало, почему твоя музыка была популярна.

– Я сам этому удивлялся, – быстро соглашается он. – Но утверждали – мой голос хорош.

Я довольно щёлкаю шейными позвонками. Машина несётся, пронизывая облака. На борту – Смерть и Элвис. Имейся у меня талант, я сочинил бы песню с таким названием.

– Да, сейчас это редкость, – подтверждаю я. – Современные напевы звучат настолько вторично и убого, что самой Смерти хочется сдохнуть после первых аккордов. Когда я заберу души Джастина Бибера или Ваенги, то заставлю обоих три года подряд крутить свои же песни. Вот тогда им легко поверится в существование ада. С сотворения мира я переслушал слишком много хитов. Вот как ты думаешь, что за музыка мне нравится?

– Вам должно быть по душе нечто мрачное, сэр, – отвечает Элвис своим фирменным голосом, обеспечивавшим куче девушек первый оргазм на концертах. – Такое вот... вроде Вагнера или симфоник-метал. Зловещее и завораживающее, с запахом Средневековья...

– Ну, ты и завернул, – хмыкаю я. – Тебе вообще известно, чем пахло Средневековье? Главная вещь, раздражающая меня со времён изобретения Интернета, – претензии на всезнайство. Никто и ни о чём не в курсе, но обязательно выскажет свою точку зрения. Я хорошо помню средневековый Париж, от земли до облаков забитый ароматами кислой блевотины, гниющего мусора и разлагающихся чумных трупов. Этот парфюм ты имел в виду? Тогда бы, дорогой мой, я слушал grindкор – нечто такое вроде Anal Cunt.

– Как вам угодно, сэр, – пугается Элвис. – Признаю свою ошибку, сэр.

– Да твою мать, не в этом же дело! – завожусь я. – Для меня любая музыка всегда была посторонним шумом, какофонией – мрачная или нет, значения не имеет. Это вы, вы сами себе вбили в голову, что я мрачный. Да с чего? Я знаю наизусть миллион анекдотов – коллекционирую с основания человечества. Мне нравятся хорошие выступления стенд-ап комиков, даже

«Камеди клуб» раньше смотрел, пока он не скатился в говно. Наконец, качественные смешные комедии – то, что доктор прописал. У меня хреновая работа, мистер Пресли, и мне надо расслабляться. По твоему мнению, если я за сутки нагляжусь кровищи, оторванных голов, выпущенных кишок, то потом приду домой, включу телик и опять начну любоваться внутренностями? С удовольствием забрал бы души всего персонала НТВ... Если включить их канал – полный эффект посещения мясной лавки.

– Никто не будет плакать по НТВ, сэр, – соглашается Элвис. – Скажу вам, сэр, по секрету – временами мне кажется, что я давным-давно вошёл в Бездну и попал в ад. Серьёзно. С каждым днём мир живых становится всё хуже. Разве могут процветать в реальности такое убогое телевижен, страшно чудовищная мьюзик и столь отвратительные фильмы? Нет. Это морок, королевство кошмаров. Вероятно, местное население состоит в секте абсолютных пофигистов, или все подключены к единому аппарату, закачивающему в мозг ЛСД. Иначе люди давно бы уже разгромили эту фрик-богему и свергли правительство.

Я недоволю морщусь.

– Чем больше революций, тем меньше мест на кладбищах, – размышляю я, не скупясь на осколки льда в голосе. – Я вообще сторонник авторитарных режимов – не таких, как у Мао. Российский подойдёт. Полное болото в смысле политики, зато мало трупов, и в крематориях оппозицию на удобрения не переводят. Существой Дед Мороз, я попросил бы у него увеличить здесь продолжительность жизни, ввести запрет на продажу водки – и вообще получилось бы Государство Солнца в стиле Томмазо Кампанеллы.

– А Америка вам нравится, сэр? – робко спрашивает Элвис.

– Только продолжительностью жизни и культом здоровья. – Я смотрю в окно на серые облака. – Война в Ираке и Афгане, бомбёжки Ливии, а я у них как мальчик на побегушках – ношусь, души собираю. Когда Буш отбросит коньки, я возьму его в офис уборщицей.

Элвис не возражает. Это при жизни есть смысл быть патриотом, а когда ты умер, твоя национальность уже значения не имеет. Ты – безликая тень, твоя душа принадлежит мне. Мы летим высоко: если никто не видит, я превращаю машину из призрака в настоящую, – дверцы «мустанга» покрыты изморозью. Стараюсь не смотреть вниз. Понимаю, смешно, но... даже себе могу признаться только шёпотом: я... боюсь высоты. На заре появления человечества я и в страшных фантазиях не предполагал: скоро мне придётся носиться в облаках из одного конца Земли в другой.

Вам что, кажется это забавным? Нечего тут ржать!

Элвис вновь меняет тему. У него талант. Не был бы певцом – стал бы дипломатом.

– Вы когда-нибудь встречали Адама, сэр?

– Нет, к сожалению, – говорю я, снимая сосульку со своего человеческого носа. – И по сему не уверен, что он не мифическое существо. Если бы Библия являла собой стопроцентно правдивую повесть, я захлебнулся бы счастьем. Там пишут: Адам жил до 920 лет, Ной – до 950, а Мафусаил и вовсе типа перевалил за 969 годков. Люди в возрасте почти тысячи лет! Это вечный отпуск. Я уехал бы на Мальдивы, снял бунгало и предался чтению книг. Нет, Элвис, я не работал в Эдеме и не встречал библейских персонажей. У меня вообще плохое впечатление от древнейших обитателей Земли. Первый, кого я провожал в Бездну, вёл себя крайне неинтеллигентно – орал, пытался укусить меня гнилыми зубами и ударил дубиной. Я, разумеется, не пострадал, но наглость поразительная. В тот момент я как-то сразу понял: вряд ли это Адам. Я не придерживаюсь и теории Дарвина... Люди напоминают скорее свиней, нежели обезьян. Но ведь откуда-то они здесь взялись? Теоретически, их создал тот, на кого я работаю... и кому официально подчиняюсь, пусть сие давно пустая формальность.

Я замолкаю. С одной стороны, я атеист – ведь миллион лет прошёл, а Мастер так и не явил своего лика, я понятия не имею – кто или что он такое. С другой – определённо, я не сам себя создал, **меня направили на Землю**. Этот факт меня смущает и не позволяет впасть

в полнейший атеизм. Однако... вот представьте, что вас сотворил хомяк. И Вселенную тоже. А вы этого хомяка никогда не видели. И в определённый момент небесный хомяк умирает. А вы продолжаете считать, что он жив, и приносите к пустой клетке зёрна пшеницы... Или хрен знает, чем там кормят хомяков. Может, и Мастера уже давно нет, а мы на Земле тупо выполняем свою работу. Чисто по инерции.

Я не удержался – краем глаза глянул вниз, и меня мутит.

Надо срочно переключиться на состояние призрака. Раз, два, три... Блин, не получается, – нервничаю. Ужасно, ноги ватные, в глазах темнеет. Настоящая аэрофобия. Может, по приземлении сходить к психологу? Я же не Полемос всё-таки, могу беседовать спокойно, тема боязни полётов популярна среди людей. Церковь жалуется, что забыли Бога? Да у них просто креатива не хватает. Пусть посадят по священнику в каждый авиалайнер, увидят, как во время грозы пассажиры истово крестятся с очередным проблеском молнии. Ну, мне молиться некому. С трудом отворачиваюсь от огней внизу – минуем большой город. Скорее бы оказаться в Небоскрёбе. Летать – просто поганое ощущение.

– Теперь моя очередь спрашивать, – стараюсь отвлечься я, придумав свинский и неполиткорректный вопрос (да-да, мне в теновом мире всё можно). – Скажи, почему так много музыкантов дают дуба? Вы на удивление своеобразный народ, Элвис. Стою я над ванной с трупом Уитни Хьюстон, её душа отделяется от тела, смотрит на меня (я, по американскому обычаю, в плаще из грубой ткани и с косой), быстро поправляет волосы и тоном заговорщицы спрашивает: «Ну, и как я выгляжу?». Когда я вёл певицу в Бездну, она нервно озиралась – а куда делись журналисты? Я твёрдо уверен – инопланетян нет, ибо я ни разу не забирал их души. Но вы явно прилетели с другой планеты. Жизнь удалась – вилла, «кадиллак» из золота, девочки, едва завидев, визжат. И для чего тоннами пожирать антидепрессанты? Старый добрый кокаин уже отменили?

Элвис вздохнул. Души часто поступают так по инерции, хотя воздух им не нужен.

– Сэр, тут особая вещь, – он понижает голос до бархатного шёпота. – Это стиль, так положено, сэр. Став звездой, ты вступаешь в закрытый клуб и обязан вести себя соответствующим образом. Организовать на кухне питомник слонят, молиться экзотическим богам, носить пальто, сшитое из плюшевых мишек, – в общем, ни дать ни взять беглец из сумасшедшего дома. Только тогда публика признает в тебе небожителя. И вот представьте, сэр, приходите вы после концертов домой, ищете в прихожей, как включить свет. В темноте вы сталкиваетесь со слонёнком, а затем на вас сыплются статуэтки богов вперемешку с плюшевыми мишками. Поневоле антидепрессанты понадобятся. Я уже не говорю о ситуациях, если альбом провалился в продажах, критики разругали новую песню, люди не пришли на концерт. Артисты – ранимые люди.

– Проще сказать – придурки, – резюмирую я. – Ты знаешь, многие до сих пор не верят, что ты умер. Они думают, тебя похитило ЦРУ, ты ушёл в монастырь или решил жить в уединении, сделав пластическую операцию вкупе с инсценировкой похорон.

Элвис ёрзает в кресле – парень ненавидит теории заговора. Да, не каждому приятно узнать: фанаты влезли в твою могилу, чтобы проверить, есть ли тело внутри⁷.

– А это нормально, сэр, – произносит он после паузы. – Вы знаете Грету Гарбо?

– Я вообще-то всех знаю.

– Да, прошу прощения. Она ушла из кино молодой и вела затворнический образ жизни. Ни с кем не общалась, не давала интервью, любила гулять по городу одна. Гарбо отдала вам душу, когда ей было восемьдесят четыре года, на могильной плите не указан её возраст и нет

⁷ Элвис Пресли был похоронен на кладбище Форест-Хилл 18 августа 1977 г. В конце того же месяца фанаты попытались вскрыть могилу, дабы убедиться, что звезда действительно мертва, а не «удалилась на покой». 2 октября гроб Элвиса перезахоронили в «саду медитаций» поместья Грейсленд, принадлежавшего певцу.

фотографии, – читал подробности в газете живых. Пережила меня на тринадцать лет, представляете? Грета умудрилась запомниться молодой и красивой. И главное, люди верят, что она умерла. А я только и слышу, как в фильме «Люди в чёрном»: «Элвис не умер, он просто улетел домой». Ты не только живешь с мифами – ты с ними и умираешь. По статистике, я богатейшая мёртвая знаменитость в мире. Думаете, сэр, мне это нужно?

Я усмехаюсь. Знал бы он, сколько мифов разносят про меня.

– Осталось три минуты, сэр, – информирует Элвис. – Мы уже почти в Петербурге, сэр.

– Прекрасно, – говорю я, борясь с желанием не смотреть вниз. – Спой что-нибудь.

Элвис откашливается. Улыбается. И заводит тихим голосом:

– Like a river flows surely to the sea
Darling so it goes
Some things... are meant to be...

Я вздрагиваю. Не может быть. Мне чудится? Нет. Похоже, это действительно... «Мустанг» проваливается в воздушную яму.

Обратный кадр № 1

Ночь на Марсе

(Лос-Анджелес, 2012 год)

...Я осторожно беру с подноса чашку чая. Выглядит как чудовищная бурда и таковой является – ибо заварен пакетиком. Чашка с коричневым ободком по краям, чувствуется, её мыли ещё при испанских колонизаторах Калифорнии. Гении очень часто рассеянны, им комфортно в полном хаосе. Этот – не исключение.

– Вам нравится?

У него старческий, дребезжащий голос. Но звучит, словно музыка.

– О, чай великолепен, – *польстит* гению *никогда не повредит*. – Должна сказать, что я ваша большая поклонница. Для меня огромная честь – забрать вашу душу.

Я – в облике прекрасной семнадцатилетней девушки. У меня пышущее свежестью личико без капли румян, на голове веночек из цветов, и я вся-вся такая няшечка. Платье простенькое, в синий горошек, и я босиком – так, знаете ли, романтичнее.

– Вижу, вы читали мой рассказ «Смерть и дева», – смеётся Рей Брэдбери. – Чертовски лестно. Там Смерть пришла за старушкой в образе прекрасного юноши, а вы явились в виде моей первой любви. Интересно, вы тоже мечтаете переспать со мной?

Я давлюсь чаем – честное слово, произвольно. Эти фантасты как чего скажут – не поймёшь, шутят или нет. Хуже только философы. Пока я Эммануила Канта провожал в Бездну, он мне весь мозг по дороге съел, беседуя на тему – есть ли я тот, кем я являюсь? К концу пути я сам был бы рад утопиться в Бездне, лишь бы он заткнулся.

– Э-э-э... простите, нет, мистер Брэдбери.

– А у вас, леди Смерть, когда-нибудь был секс со знаменитостями?

– У меня в принципе ни с кем не было секса, – мямлю я, догадываясь, как сейчас пунцуют мои щёки. – И какое отношение эта тема имеет к текущей ситуации?

Тут я сделаю отступление. Вам, разумеется, будет трудно со мной согласиться, но в вечном существовании есть веский минус. Вот ты приходишь за человеком, которому всего-то от роду 90 лет – по сравнению с твоим миллионом это даже не новорожденный младенец, а фактически сперматозоид. А ты всё равно испытываешь к нему уважение, и даже, страшно ска-

зять, пиетет. Такие люди обычно спокойны, рассудительны и поджидают Смерть давным-давно. Желать от них почтения или преклонения не стоит. Но Бредбери, по крайней мере, вежлив.

– То есть вы девственница? – спрашивает он с такой жёсткой задумчивостью, что кажется – дай ему волю, он отправил бы меня на гинекологическое кресло.

– Можно и так сказать, – бурчу я. – Интересно, а что вы от меня хотите, мистер Бредбери? Мне довольно трудно подобрать себе пару, поскольку я создана в единственном экземпляре. И пусть я выгляжу в данный момент человеком – я им не являюсь. Я могу стать и демоном, и скелетом, и чудовищем, чешущимся от количества рогов, – моё тело подвергается любой трансформации. Существа, подобного себе, я за время моей работы на Земле не встречала. Не факт, что мы бы поженились – но, по крайней мере, я смогу протестировать его на совместимость.

Он поднимает седые брови и морщит лоб.

– Значит, я не ошибся, представляя вас молодой особой, исполненной красоты? Прекрасно. А вы, леди Смерть, помните, как выглядели в самом начале?

– Технически это было сложно запомнить. – Мой девичий голосок звенит в затхлой комнатухе, пока я давлюсь ужасным с виду чаем. – При моём появлении на свет зеркала отсутствовали. А в воду я не смотрелась много лет – опасалась, увижу кошмар. Увы, попросту не знаю первоначального облика: я сменила его много раз.

Комната классика вся в пыли – и это, смею вас заверить, не простая пыль, а многослойная. Пожелтевшие книги, исцарапанные диски и целых пять (!) пишущих машинок – человек, создавший «Марсианские хроники» и «451 по Фаренгейту», никогда не включал компьютер. У Рея Бредбери нет водительских прав и он боится летать. А ведь мэтр – творец миров. Созданных здесь, в убогих комнатухах дома, увитого плющом, в криминальном районе Лос-Анджелеса: если таксисты едут сюда ночью, они блокируют дверцы машин. Я ловлю себя на мысли: мы в чём-то схожи. Я тоже построил по теневому кирпичику собственную вселенную, чьи особенности фантасту скоро предстоит увидеть. Надеюсь, ему будет любопытно. Однако мне пора вклиниться с вопросом, а то ведь опять перехватят инициативу.

– Мистер Бредбери, вы верите, что на других планетах есть жизнь?

С замиранием сердца жду ответ. Точнее, ждал бы – будь у меня сердце.

– Раньше я не сомневался... – грустно отвечает классик. – Когда писал «Марсианские хроники», это было в сороковые годы, земляне не летали в космос. Я искренне верил: мы обязательно построим колонии на Марсе, там расцветут сады, – но вместо марсианских колоний люди предпочли создать сериал «Санта-Барбара» и микроволновки. Потом на Марс прислали робота: как в моих книгах, он показал – марсиан нет. И может быть, никогда не было. Современное человечество почти не интересуется космосом. Знаете, как-то немудрено, что я умер. Сложно тут жить.

– Хм, а вы представляете, каково здесь мне? – Закинув ногу на ногу, я невольно открываю нежные девичьи коленки. – Я видела все стадии эволюции человечества. И сейчас оно увязло в полнейшем болоте. Раньше стремились к развитию, а рекорд нынешних достижений – кто после пары коктейлей лучше зажжёт на танцполе. Многие говорят, что я брюзга, и это так. Пусть я выгляжу юной девой, но я – самая древняя в мире старуха. Значит, по вашему мнению, никакой жизни на Марсе нет?

Бредбери ставит на табурет чашку со своим чудовищным чаем.

– Я старый человек, и меня весьма сложно удивить. Но я и представить себе не мог: когда за мной наконец придёт Смерть, она спросит меня об инопланетянах...

– О, я тоже не представляла, что буду обсуждать с классиком-фантастом свою девственность, – со смехом парирую я. – Не скрою, иногда меня пробуют «склеить» новопредставленные души. Виновата мифология, мистер писатель. Во многих культурах Смерть – это женщина, а раз так, её позарез надо соблазнить. Можете не извиняться, я очарована вашей юношеской непосредственностью. Да, я крайне интересуюсь вопросами жизни на других планетах.

Почему? Если там есть Жизнь – значит, есть и Смерть. Стало быть, имеется шанс: рано или поздно я получу работу в другом мире. На Марсе, Венере, Сатурне – без разницы. Я хочу новизны, свежести, смены декораций. Безусловно, тут я могу менять маски, перевоплощаться в кого угодно, даже создавать иллюзии – но всё НЕ ТО. Стало быть, другие миры – лишь фантастика?

Бредбери проводит рукой по пишущей машинке. Гладит её, как женщину.

– Милая девочка, – произносит он, и мне видно – как тяжело писателю даются эти слова. – Расписывая далёкий Марс, не поверите, я видел красную поверхность своими глазами. Для меня планета не была наваждением. Неважно, есть ли Иисус Христос... если такая уйма народу верит в него, значит, он существует. Я чувствую, мы не одни во Вселенной, и умираю с этой мыслью. И звездолёты, и марсиане, и ядерная война на Земле – всё реально, но в моём мозгу. Я жил этим, значит, для меня Марс обитаем. А для остальных? Цинично, деточка, но это не так уж важно...

Становится грустно. Будь я настоящей девушкой, мои глаза наполнились бы слезами. Подпирая лицо обеими ладонями, я смотрю на фантаста, и он улыбается мне. Что ж... полагаю, моё проклятие вечно, и я ничего не смогу с этим поделать.

Рей полетит на Марс. А я – никогда.

– Время пришло, мистер Бредбери, – скучно говорю я. – Но у меня для вас есть сюрприз. Сейчас вы сами, без малейших усилий, вспорхнёте с инвалидного кресла и прогуляетесь со мной, чувствуя небывалую лёгкость в ногах, – это и есть бонус загробного мира. Обмолвившись, что умею создавать иллюзии, я не шутила. Перед тем как спуститься в Бездну, вы проведёте целую ночь на Марсе. И там встретите всех, кого любили. Вам снова будет двадцать лет, и вы будете полны сил и счастья. Вы увидите свою жену, Маргарет, и сможете болтать с ней, сколько захотите.

У классика дрожат руки. Глаза увлажняются. Люди до смешного сентиментальны.

– И Маргарет пригласит меня танцевать?

– Не только Маргарет. Все девушки, как одна.

Рей Бредбери опускает веки и сладостно жмурится.

– Почему нужно вас бояться? Вы так прекрасны. Идёмте. Я хочу на Марс.

Наконец-то. И я могу отставить в сторону надоевший чай – он настолько плох, что мне обманчиво чудится прогорклый вкус. Вскикиваю, скромно одёргивая девичье платьице в горошек. Бредбери легко поднимается с кресла.

– Чему суждено – тому и быть... – говорит Рей, и голос его не старческий: он переливается, словно у юноши. Эти слова только что и пропел Элвис Пресли...

...Я мотаю головой. «Мустанг» уже приземлился, мой водитель обернулся ко мне.

– Сэр. Не смею беспокоить, но мы в Петербурге, сэр.

Офис сверкает огнями. Ох как неохота идти на работу: лучше помедитировать. Вечером я хотел бы предаться размышлениям о современном кино, однако...

Некогда. Сейчас у меня встреча с секретарём.

Глава 6 Мадагаскар

(*Невский проспект, небоскрёб «Эмпайр стейт билдинг»*)

...Сто два этажа, как в оригинале, – я люблю точность. Вестибюль выполнен из чёрного и серебристого мрамора. Словно шахматная доска: все мы в обоих мирах во что-то да играем. Я вхожу, и шум смолкает. Менеджеры *косарей*, откинув капюшоны, встают на одно колено, пока я иду к лифту. Секретарь ждёт меня у открытых дверей, придерживая кнопку на панели. Я уже говорил – обожаю брать на службу бывших политиков? Даже крутые диктаторы за пару дней переqualифицируются в исполнительных офис-менеджеров, безукоризненно подчиняясь любым приказам. Работа в городе теней не из приятных, и прочих призраков утомляет не меньше, чем меня. Я не имею права никого удерживать: если сразу не сопроводил душу в Бездну, после гибели она остаётся в загробном мире на испытательном сроке – сорок дней. При прошествии оных я даю тени выбор – либо стать одним из сотен тысяч моих заместителей в качестве *косаря*, либо – отправиться на дно тёмных вод Бездны. Сюрприз – примерно треть покойников выбирают Поглощение! Но мой личный секретарь Никколо Макиавелли, бывший «серый кардинал» Флоренции при семействе Медичи (в отличие от Петра Первого, Робеспьера и Октавиана Августа), ни разу не просил отпустить его в Бездну. Парень обожает власть и интриги, пусть и среди призраков.

Секретарь встречает Смерть без улыбки. Он вообще никогда не улыбается.

– Хватает неприятностей, Никколо? – спрашиваю я, заходя в лифт.

– Как обычно, синьор Морте, – пресно информирует он и смотрит не на меня, а на экран планшета, – Никколо, в отличие от средневековых братьев, на «ты» с современной призрачной техникой. – С каждым утром приходится всё тяжелее.

– Тогда начинайте, слушаю, – поправляю капюшон рукой. – Что у нас плохого?

Как и в случае с Брэдбери, я с ним на «вы». Не поверите – у меня язык не поворачивается «тыкать». Серьёзный мужик: чёрный костюм, бархатная шапочка, ослепительно-белая рубашка: так одеваются либо политики, либо гробовщики... Впрочем, большинство из них и то, и другое. Макиавелли импонирует мне куда больше своих современников, включая психоделическую семейку Борджиа. Он сухарь, но с цифрами управляется, как фокусник: а большего и не надо.

– Землетрясение в Китае, провинция Сычуань, – обезличенным голосом информирует Никколо. – *Косарями* собраны ровно две тысячи душ. По китайским меркам жертв, грубо говоря, нет, но... Всякий раз, когда трясёт Поднебесную, мне отказывает самообладание.

Хм, вот тут я могу его понять. В 1556 году разверзлась земля китайской провинции Шэньси и в мир привидений ЗА ОДНУ МИНУТУ улетели восемьсот тридцать тысяч душ. Макиавелли тогда не имел особого опыта в качестве тени – он состоял у меня на службе неполных тридцать лет, и я отлично помню его плохо скрытое отчаяние: что делать, если на тебя катится лавина призраков? Признаюсь как на духу: я и сам едва не рехнулся.

– Две тысячи – сущая мелочь и ерунда, – отмахиваюсь я, чувствуя некоторое облегчение. – Это даже не количество, а так, муха чихнула. *Косари* ведь управились?

– Спокойнейшим образом, – кланяется Макиавелли.

Мы выходим из лифта и идём по длинному коридору. Многим мёртвым дизайнерам хотелось сделать офис исключительно в чёрных тонах с кровавыми прожилками. Меня такой креатив БЕСИТ, и я уже объяснял, по какой причине. Ничего не оставалось, как взять дело в свои руки, отдав художникам детальные инструкции. Далее, как в Библии: «И увидел Бог, что это хорошо». Да и верно, получилось вполне неплохо. Этаж Небоскрёба с ведущими отделами раз-

рисован персонажами из мультфильма «Мадагаскар» – лев, лемур, здоровенная бегемотиха, жираф и пингины на фоне джунглей... Мне очень нравится буйство красок.

Что вы там хотели спросить? Да-да, такая я прикольная Смерть.

Конференц-комната у нас овальная. Никакой эмблемы или герба – мне это не нужно. Я опускаюсь в кресло. Макиавелли, сохраняя постную мину, присаживается напротив.

У него всегда два вида новостей – плохие и очень плохие.

– Отдел сердечных заболеваний пишет, – касается он пальцем сенсорного экрана, – сегодня от инфарктов и проблем с сердцем умерло не 36 980 человек, как обычно, а 37 675. Идём на опережение, синьор. Наверное, это связано с появлением на рынке нового сорта ветчины, там больше жира. Должен ли я устроить автокатастрофу главе фирмы?

О... только возьми на работу итальянца, как ему сразу захочется кого-нибудь прикончить. Это у них попросту в крови. Они не желают ассоциироваться с пиццей, им проще изображать мафию. Только свиней от убийств бизнесменов меньше не станет.

– Мы не можем превращать в фарш всех, кто продает вредные продукты, – веско замечаю я. – Да и к чему карательные акции? Дай вам волю, вы президента «Макдоналдса» и директоров концернов, производящих всякие разные газировки, давным-давно живьём в кипятке бы сварили. Забудьте ваши средневековые методы.

Я горжусь собой. В XXI веке Смерть милосерднее своих подчинённых.

– Методы были отличные, синьор Морте, – разводит руками Макиавелли. – И между тем весьма действенные. Люди боялись кары и были законопослушны. Сейчас же публичные казни через повешение практикуют разве что в Иране. Жаль, народ обожает хорошее шоу, а если и билеты на казнь продавать со скидкой... У нас во Флоренции в горло фальшивомонетчикам заливали кипящий свинец – и знаете, помогало.

– В эпоху цветного ксерокса ничего не поможет, – назидательно говорю я. – Но я уже неоднократно информировал Отдел сердечных заболеваний, пусть не жалеют денег на пропаганду здорового образа жизни. Чем больше народу грызёт овощи, тем меньше нам работы. Так нет, вчера в мире открылись ещё сто двадцать шесть ресторанов баварской и чешской кухни. А что это значит? Запечённая свиная ножка, сосиски, шипящие шкварки... Кранты сердцу, вашу мать, закупорка сосудов. Никколо, договоритесь завтра, чтобы для наружной рекламы овощей привлекли худеньких сексуальных блондинок. Когда Новодворская жуёт кочан капусты – это слегка не то, что нам требуется.

Чувствуется, Макиавелли рад бы усмехнуться. Но не может.

– Позвольте не согласиться, зловещий синьор Морте, – сухо возражает он. – Блондинки вовсе не ослицы, пусть и схожи по консистенции мозга: после овощной трапезы они, как правило, превращаются в отощавших фурий. Жалкая анорексичка «кожа да кости» на плакате – худшая реклама диетического питания в мире. В чём вы, несомненно, правы – офису следует думать, как популяризировать здоровый образ жизни. У нас миллион недоработок по отдельным народностям, синьор. В Японии люди живут до ста лет – прекрасно. На Кубе – до восьмидесяти. А вот афганец и до сорока с трудом дотянет.

– О, благодаря сестре Полемос я уже двести лет не вылезая из командировок в славный Афганистан, – кисло признаюсь я. – Жалея ваши уши, не стану живописать всю радость жизни в этой стране: в окружении голода, болезней и бесконечной войны и в три года можно считаться пожилым человеком. А достиг школьного возраста – так натурально старейшина. Круче только Россия. Я никогда не пойму, как здешний народ умудряется выживать в подобных условиях? Зимой минус сорок градусов, а они едят мороженое. Летом леса горят и все города в дыму. Самолеты едва взлетят, так сразу падают. На войне в своих попадают чаще, чем в чужих. Пьют всё, что течёт, а что не течёт – разбавляют и снова пьют. Я воздвиг тут постоянную резиденцию, и ничуть не жалею.

– Да, Северная Гиперборея – особое государство, – поджав губы, кивает Макиавелли. – Если уж они побороли Золотую Орду, Наполеона, Гитлера и государственную монополию на водку, им никогда не найти достойного противника. Вот они и сражаются сами с собой.

На потолке засветились тусклые огоньки. Мы беседуем в полутьме.

– Ладно, вы меня убедили насчёт блондинок: соберите рекламщиков, пусть продумают другие варианты. Какие известия от Отдела табачных изделий?

– Тоже, синьор, рост наблюдается, – скучно перечисляет Никколо. – Сегодня от причин, связанных с курением, умерло 15 677 человек, на сто тридцать покойников больше, чем вчера. Мадонна миа – я всегда считал, что Колумбу не следовало открывать Новый Свет. Табак, шоколад и дьявольский «макдоналдс» стубили народу больше, чем Пиночет, Пол Пот и испанская инквизиция. Этот мерзкий континент с мак-тавернами, когда по нему бегали раскрашенные дикари в орлиных перьях на голове, нравился мне гораздо сильнее.

Потолок переливается оранжево-синим цветом.

– Вы утрируете, Никколо, – замечаю я, невольно представляя бегущих индейцев. – Я считаю, на деньги брата Никао мы проделали отличную работу. По крайней мере, в нелюбимой вами Америке и обожаемой Европе курение запретили в гостиницах, аэропортах и ресторанах. В Штатах появление с сигаретой на людях схоже с прогулкой в оранжевой робе узника Гуантанамо по Белому дому. И разве я услышал от человечества хоть одно «спасибо?» Курильщики эти законы матерят на чём свет стоит. А откройте вы глаза фанатам здорового образа жизни, что программу борьбы с курением финансирует Смерть, используя как инвестора владельца крупнейших табачных фабрик, – так будьте уверены, они на стенку полезут. Плюс, я благодарен нашему дизайнеру... Сказочные картинки на пачках сигарет: трупы людей, превращённые в уголь лёгкие. Милейше, хотя излишне гламурно.

– Да ладно, – кривит рот Макиавелли. – На кого такое может действовать?

– А мне и не надо, – флегматично отвечаю я. – Это чисто эстетическое удовольствие.

...Забывая мой слух своим идеально стерильным голосом, как ватой, Никколо продолжает зачитывать дневную сводку. И верно – как обычно. Каждый день умирает всё больше и больше народу. Для меня это... ну, вроде постоянного роста курса доллара. Я просто тону в цифрах. Так-так, подождите, вы сейчас сделаете обо мне ложные выводы. Увеличение рождаемости, все эти беби-бумы я тоже не люблю, и никогда их не пропагандировал. Много людей – много трупов, много трупов – много работы. Знаете, какую страну я ненавижу от души? Индию. Просто терпеть не могу. Население – миллиард двести миллионов, а продолжительность жизни мужчин – 58 лет. В индийской дивизии *косарей* страшная текучка кадров: душа не успеет прийти, как через сутки просится в Бездну. Ах, ну да – ещё там фильмы плохие, но по сравнению с остальным – мелочь. Африка меня параллельно раздражает. Войны, эпидемии, природные катастрофы. Кокосы – и те бесят, сколько душ валится в загробный мир из-за падений этих орехов с пальмы! Зла не хватает. Спросите, кто мои любимцы? Шведы. Тихий народ, двести лет ни с кем не воевали, живут долго, никаких хлопот. И почему Землю не населяют скандинавы? Был бы рай небесный, а не Земля. Нудный, скучный, тупой рай, отдающий запахом оленьих шкур, но с хорошими порностудиями... Ладно, кто сказал, что райские кущи должны быть идеальны? Я даже представить не могу, как мне будет работаться спустя пару-тройку веков. Воображение рисует Землю с десятками миллиардов двуногих особей, и меня – взмыленного, измученного, потерявшего связь со штабами *косарей* по всему миру.

Ох. Как же жаль, что нет жизни на Марсе.

...– И в Судане новый вирус, – словно сквозь туман, доносится голос Макиавелли. – Не спрашивайте, какой, – я сам не знаю. В активе мы имеем на 50 покойников больше вчерашнего только в одном районе. Все наши планы уменьшить смертность трещат по швам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.